
Т. Ф. ВОЛКОВА

Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника)*

Иван Степанович Мяндин (1823—1894) — усть-цилемский книжник, переписчик старинных рукописей — относится к числу тех талантливых, любознательных, увлеченных старинной русской литературой «народных» писателей, имена которых стали известны благодаря археографическим, книговедческим и литературоведческим исследованиям рукописно-книжной традиции отдельных книгописных центров Русского Севера. Открытие его как писателя принадлежит В. И. Малышеву, «колумбу» книжной Печоры, который собрал архивные сведения о семье Мяндиных, устные рассказы о печорском книжнике, охарактеризовал его почерк,¹ опубликовал несколько переписанных им старинных русских повестей.² Благодаря этим трудам мы знаем, что И. С. Мяндин — выходец из семьи старообрядческих наставников — Степана Никифоровича Еремина и Ирины Васильевны Мяндиной. Пережив в юности арест своих родителей, застигнутых властями в своем доме за проведением старообрядческого богослужения (1847 г.), потеряв вскоре обоих родителей (мать умерла через 3 года после učinенного над ней суда, отец был выслан из Усть-Цильмы на родину в д. Ценногорскую под надзор духовных и светских властей, после чего заболел и, по видимому, вскоре умер), Иван Степанович, выдержав эти испытания, стал уже в 50-е гг. достаточно хорошо известным и уважаемым человеком не только в Усть-Цильме, но и далеко за ее пределами, а его семья снискала себе славу хранительницы старины, в том числе и рукописной.³

Впоследствии И. С. Мяндин становится профессиональным писцом, работавшим в рамках печорского полуустава свой собственный характерный почерк, легко узнаваемый на фоне других печорских почерков. По некоторым документам (в частности, по припискам И. С. Мяндина на сохранившихся рукописных книгах) можно судить о том, что он был своим человеком в семье со-

* Данная статья выросла из доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003» в Петрозаводске. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-04-00336 а/с).

¹ См.: Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323—337.

² В 1961 г. была издана Повесть о царевне Персике, см.: Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326—337; в 1965 г. был опубликован мяндинский список Азбуки о голом и небогатом человеке, см.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 184—186.

³ Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец... С. 332.

стоятельного устьцилема Прокопия Чупрова: состоял у него письмоводителем и уставщиком молельни.⁴

По-видимому, уже в 50-е гг. у печорского книжника начала формироваться собственная рукописная библиотека, о чем косвенно свидетельствуют воспоминания известного писателя и этнографа С. В. Максимова, который встречался с И. С. Мяндиным в декабре 1856 г. Возможно, как отмечает В. И. Малышев, именно в доме усть-цилемского переписчика ученый видел те многочисленные рукописи недавней переписки, о которых он пишет в своей книге «Год на Севере».⁵

По воспоминаниям младших современников И. С. Мяндина — печорских крестьян З. Н. Бабикова, А. Н. Поповой, П. С. Чупровой, Т. М. Мяндина — В. И. Малышев составил «собирательный портрет» усть-цилемского переписчика в зрелые годы: «...И. С. Мяндин имел средний рост, крепкое телосложение, был плечист. Круглое лицо его снизу обрамляла небольшая седая борода, волосы на голове были также все белые («весь седатый» — А. П. Попова). Он отличался близорукостью («подслеповат» — П. С. Чупрова), читал и писал в очках. Во время разговора заикался («немного задерживало» — Т. М. Мяндин). Однако последнее не мешало иметь ему хороший голос, и при пении он <...> „вел голоса“ (мелодию)».⁶ В небольшой продолговатой рабочей комнате И. С. Мяндина, которая, по воспоминаниям одного из упомянутых выше информантов В. И. Малышева — Т. М. Мяндина, была скорее похожа на чулан, чем на жилое помещение, у окна, выходявшего во двор, стоял стол с книгами, стопкой чистой бумаги, школьной чернильницей и чашечкой с красной краской — киноварью, в углу в деревянном ящичке лежали тираксы различных размеров. Имелся и самодельный переплетный станок, на деревянных стенных полках помещались книги.⁷

Важной гранью личности И. С. Мяндина, способствовавшей укреплению его авторитета у печорских крестьян, была его отзывчивость и сострадание бедам и насущным нуждам своих земляков. В. И. Малышев выявил ряд документов, свидетельствующих о том, что письмоводитель богача Чупрова «не раз выступал в защиту своих односельчан от произвола местных властей, рискуя навлечь на себя гнев даже со стороны своего хозяина»,⁸ а однажды за составленную им жалобу на местного старосту И. С. Мяндин был наказан розгами.

И. С. Мяндин, как показывает его литературное наследие, был хорошо образованным человеком. Этому способствовало, по-видимому, его знакомство с рукописной библиотекой Великопоженского старообрядческого скита в верховьях Пижмы, в XVIII—начале XIX в. выполнявшего роль не только старообрядческого религиозного центра, но и распространителя грамотности по всему Печорскому краю, имевшего свой скрипторий и тесные контакты с Выго-Лексинским монастырем, известным своими литературными традициями. Дом Мяндина, как отмечает В. И. Малышев, поддерживал с Великопоженским скитом тесные связи: здесь в свое время прошли обучение родители Ивана Степановича, а впоследствии и он сам, еще юношей, вероятно, немало времени провел в скиту. Известен и факт посещения И. С. Мяндиным вместе с великопоженским наставником Т. В. Антоновым Выго-Лексинского общежительства.⁹

Интерес к старинной книге заставил И. С. Мяндина освоить не только профессию писца, но научиться переплетать и реставрировать ветхие рукописи.

⁴ Там же. С. 330.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 334—335.

⁷ Там же. С. 334.

⁸ Там же. С. 330.

⁹ Там же. С. 328, 327.

Среди сохранившихся печорских рукописных сборников многие обнаруживают следы реставрационных работ И. С. Мяндина: его почерк легко узнается на подклеенных листах, а внутри подновленных переплетов обнаруживаются черновики составленных И. С. Мяндиным прошений и других документов. Размах рукописных трудов И. С. Мяндина поражает: даже с учетом не дошедших до нас печорских рукописей и далеко еще не полной статистики количество переписанных им (полностью или частично), а также отреставрированных книг — свыше 100 — свидетельствует о невероятной трудоспособности и профессионализме печорского книжника.

Однако И. С. Мяндин не ограничился ролью простого переписчика старинных рукописей. В целом ряде случаев он творчески отнесся к переписываемым сочинениям, превращаясь из писца в редактора копируемых текстов, а зачастую — и в соавтора древнерусских книжников, вносящего в переписываемые произведения свои темы и идеи, перестраивающего их композицию и сюжет, меняющего стиль источника в соответствии со своими эстетическими вкусами и потребностями той читательской среды, для которой Иван Степанович переписывал и перестраивал древнерусские сочинения, — печорских крестьян-старобрядцев, его земляков.

В настоящее время исследовано — с разной степенью глубины — 30 отдельных сочинений, в той или иной степени переработанных И. С. Мяндиным, некоторые из которых дошли не в одном, а в 2 или даже 3 мяндинских списках. Целый ряд его переработок выявлен, но находится еще в стадии изучения (например, ряд сказаний на библейские сюжеты, Сказание об Александре Македонском, Повесть о хмеле, апокриф о хождении Агапия в рай и др.). В частности, активная работа по изучению мяндинских редакций древнерусских произведений в настоящее время ведется автором статьи и ее учениками — студентами-филологами Сыктывкарского университета.

При знакомстве с рукописным наследием И. С. Мяндина поражает своей обширностью и разнообразием круг тем и сюжетов, привлечших внимание печорского книжника. Это и полные драматизма биографии библейских героев (Сказание об Иосифе Прекрасном, Юдифи, Соломоне и др.), евангельские сюжеты в их апокрифическом преломлении (Сказание Афродитиана, в котором отразились события, связанные с рождением младенца Христа), и сюжеты из древней, дохристианской истории, почерпнутые из Хронографов и связанные с судьбой великих завоевателей и легендарными военными эпопеями древности (Александрия, Троянские сказания), и рассказы о трагических судьбах русских людей, в далекие от И. С. Мяндина эпохи русской истории переживших необычайные, драматические коллизии в своей земной (внешней) и духовной (внутренней) биографии (Повесть о новгородском посаднике Щиле, построившем на добытые от «лихоимания» деньги церковь и угодившем в ад, и Повесть о владимирском священнике Тимофее, изменившем родине и православию). Привлекали И. С. Мяндина и судьбы выдающихся подвижников, стоящих у истоков старообрядчества (Житие Корнилия Выговского), и семейные конфликты и трагедии совсем не исторических героев, место жизни которых и эпоха весьма смутно вырисовываются из повествований о них (повести о царице и львице, о царевне Персике, о двух снохаха и священнике, о муже и жене и о верности обоих), и жизненные перипетии мудрецов, иногда становящихся жертвами зависти и злобы своих близких (Повесть об Акире премудром). Нашли место в круге мяндинских переделок и повести, развивающие сюжет о неожиданных поворотах в судьбе человека, — о превращении недавнего преступника, заключенного, в «богоизбранного» царя, «милостивого» к народу и идущего на добровольные мучения, чтобы искупить грех своего договора с дьяволом (Повесть об убогом человеке...), и наоборот, повествующие о противоположном превращении —

богатого и славного царя в жалкого нищего, который вынужден зарабатывать на скромное пропитание, нося за бродячими слепыми их котомки до тех пор, пока к нему не приходит осознание своего греха — гордыни, сомнения в истинности евангельского слова (Повесть о годе царя Аггее). Попали в число мяндинских переработок и рассказы о контактах христианских подвижников с язычниками и бесплотными представителями «нижних миров» — бесами (Повесть о Григории чудотворце, рассказывающая о том, как св. Григорию Неокесарийскому удалось разочаровать в язычестве «идольского» жреца и окрестить его в христианскую веру; Повесть о бесе Зерефере, развивающая тему мирового зла (персонифицированного в образе дьявола), которое угрожает миру и может поглотить добро). Это далеко не полный перечень тем и сюжетов, которые можно найти в многочисленных переработках И. С. Мяндина.

Столь же разнообразны и жанровые формы мяндинских переработок. В ходе работы над своими источниками И. С. Мяндин имел возможность соприкоснуться с самыми разными жанрами средневековой русской и переводной литературы, освоить — в ходе переписывания и перелетки этих сочинений — основные повествовательные (композиционно-сюжетные и стилистические) особенности этих жанров. Среди переписанных и в разной степени отредактированных им текстов и переводные повести (о царице и львице, о царевне Персике), и жития (Корнилия Выговского, Варлаама Хутынского, Антония Римлянина), и апокрифы (Сказание Афродитиана, Хождение Агапия в рай), и новеллы из Великого Зеркала (о двух калугерах, о царе и его брате, о славе небесной, о Иоанне Конаксе и его дочерях и др.), и произведения демократической сатиры (Азбука о голом и небогатом), и оригинальные повести историко-легендарного характера (о Шиле, о Тимофее Владимирском), и хронографические сказания (Александрия, Сказание об Иосифе Прекрасном), и произведения оригинальной русской беллетристики (повести о Басарге, о царице Динаре), и поучения на морально-бытовые темы (Слово о ленивых), и видения (Повесть об Антонии Галичанине, «Макариево видение»), и исторические своды-компиляции («Миробытная история»).

Изучение мяндинских перделок началось со статьи В. И. Малышева 1961 г., посвященной анализу печорской редакции Повести о царевне Персике по усть-цилемскому списку (тогда еще единственному) в мяндинском сборнике ИРЛИ УЦ 67.¹⁰ В этой статье В. И. Малышев сформулировал основные особенности редакторской работы печорского книжника, еще не называя его имени, так как находился тогда в самом начале изучения мяндинского рукописного наследия, а также коснулся и других, тогда ему известных печорских переработок старинных повестей (Повести о царице и львице, Азбуки о голом и небогатом, Повести о двух снохах и священнике, Жития Корнилия Выговского). Основным приемом в работе И. С. Мяндина над источниками В. И. Малышев назвал прием целенаправленного сокращения текста с удалением эпизодов и деталей, по тематике и социально-бытовому колориту далеких и не очень понятных печорскому читателю, упрощение языка, внесение в него народно-разговорных элементов.

Указал В. И. Малышев в этой своей первой публикации о печорских переработках и на круг тем, характерных для мировоззрения печорских редакторов — крестьян-старообрядцев: это тема «народного царя», советующегося с «гражданами» при решении государственных проблем, тема семейных отношений, актуальная для старообрядческой Печоры, отказавшейся от церковного брака, что породило, как следствие, неустойчивость семейных отношений, приводив-

¹⁰ Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике. (Здесь и далее УЦ — Усть-Цилемское собрание, УЦ н. — Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ.)

ших зачатую к излишней их свободе (а повести, переписанные и переосмысленные И. С. Мяндиным — о Персике, о царице и львице, стояли на страже интересов семьи);¹¹ темы «честного труда» и несправедного богатства. Отметим В. И. Малышев и черты старообрядческой идеологии, отразившиеся в известных ему мяндинских переработках.

Вслед за В. И. Малышевым к мяндинским обработкам в 60-е—начале 70-х гг. обратились его коллеги: Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова исследовали «Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем» (1965 г.);¹² Л. А. Дмитриев подготовил к изданию мяндинский список Повести о Басарге, опубликованный в приложении к исследованию этого произведения М. О. Скрипиля (1969 г.);¹³ О. В. Творогов ввел в научный оборот два печорских списка Троянских сказаний (1972 г.).¹⁴ Во второй половине 70-х—первой половине 80-х гг. появились исследования учеников Н. С. Демковой и участников археографических экспедиций на Печору о еще трех переработках И. С. Мяндина: Е. К. Пиотровской — об обработке Повести об Акире Премудром (1976 г.),¹⁵ Е. П. Ширмаковой — о переработке Повести о Басарге по опубликованному Л. А. Дмитриевым списку (1984 г.),¹⁶ Е. М. Шварц — о Повести о Григории Чудотворце и идольском жреце — по копии с мяндинского «Цветника»,¹⁷ сделанной в ходе экспедиции в Усть-Цильму (1979 г.).¹⁸ Работа Е. М. Шварц в составе экспедиции Сыктывкарского университета в Усть-Цильму (1986 г.) позволила ей сделать копию с еще одной мяндинской переделки — апокрифического «Сказания Афродитиана», читавшегося в составе «Торжественника», почти полностью переписанного И. С. Мяндиным,¹⁹ что в дальнейшем дало возможность А. Г. Боброву исследовать мяндинскую редакцию «Сказания» и опубликовать его усть-цилемский список.²⁰

¹¹ Там же. С. 331, сн. 10.

¹² См.: Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем и ее усть-цилемский вариант // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 252—258 (с. 256—258 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 70).

¹³ Усть-Цилямская переработка повести // Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. текстов М. О. Скрипиля; Под ред. Л. А. Дмитриева. Л., 1969. С. 214—216.

¹⁴ Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972. С. 228—241 (с. 234—241 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 66).

¹⁵ Пиотровская Е. К. Усть-цилемская обработка Повести об Акире премудром // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 378—383 (с. 379—383 — публикация текста по списку УЦ 67).

¹⁶ Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 267—269.

¹⁷ См. о нем в отчете Н. С. Демковой: Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 358.

¹⁸ Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в усть-цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 341—350 (с. 349—350 — публикация текста по спискам ИРЛИ УЦ 72 и УЦ н. 368 — «полевая» копия текста из «Цветника»).

¹⁹ См. о нем: Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору. С. 358; Волкова Т. Ф. Легенды и сказания о табаке в круге чтения устьцилемов // Материалы научных трудов филологического факультета. Февральские чтения 8—11 февраля 1995 г. Вторая годовичная сессия Ученого совета. Сыктывкар, 1996. С. 32—33.

²⁰ Бобров А. Г. 1) Усть-Цилямская редакция «Сказания Афродитиана» // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 41—46; 2) Усть-Цилямская редакция «Сказания Афродитиана» // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1, вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. С. 253—258 (с. 255—258 — публикация текста по списку «Торжественника»); 3) Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 17, 31—33 (с. 120—123 — публикация текста по списку «Торжественника»).

Во второй половине 80-х гг. к изучению мяндинских переработок подключились новосибирские исследователи — Е. К. Ромодановская, исследовавшая усть-цилемскую редакцию Повести о гордом царе Аггее (1985 г.),²¹ Т. С. Троицкая, охарактеризовавшая стилистическую редакцию Повести о царице Динаре, созданную И. С. Мяндиным (1985 г.),²² Т. Ф. Чалкова, изучившая два мяндинских списка Повести о царице и львице (1987 г.).²³

В 90-е гг. прошлого и первые годы текущего столетия круг исследователей мяндинских переработок расширился за счет сыктывкарских и петрозаводских исследователей. Н. А. Голоскова, занимаясь исследованием Жития Диодора Юрьегорского, выявила печорский его список, в создании которого принимал участие И. С. Мяндин, и охарактеризовала его особенности (1991 г.).²⁴ Е. А. Рыжова, после окончания Сыктывкарского университета проходившая стажировку в Древлехранилище ИРЛИ, обратила внимание на некоторые ранее не исследованные переработки И. С. Мяндина, подготовив позднее публикации о печорских редакциях трех повестей, созданных на основе новелл Великого Зеркала (1997 г.)²⁵ и «Азбуки о голом и небогатом» (1998 г.).²⁶ Параллельно над текстами мяндинских переработок произведений с демонологической и эсхатологической тематикой работал А. В. Пигин (Петрозаводск) в рамках более широкого исследования этого круга памятников, ставшего основой его докторской диссертации.²⁷ В 1999—2001 гг. им были введены в научный оборот печорские редакции еще двух мяндинских переработок — Повести о бесе Зерефере²⁸ и Видения Антония Галичанина.²⁹ В это же время появляются и первые публикации о мяндинских переделках автора данной статьи, привлекающей к их изучению своих учеников — студентов-филологов Сыктывкарского университета, специализировавшихся в области древнерусской литературы: в 1999 г. — о Повести о царевне Персике (с привлечением не исследованного В. И. Малышевым списка из

²¹ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 216—226 (гл. «Мяндинские обработки Повести о царе Аггее»); с. 350—361 (издание текста по спискам ИРЛИ УЦ 67, УЦ н. 204, 368).

²² Троицкая Т. С. Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина // Древнерусская книжность (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 36—47 (с. 44—47 — публикация текста Повести по списку ИРЛИ УЦ н. 368 — «полевой» копии текста из мяндинского «Торжественника»).

²³ Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 234—248 (с. 238—248 — публикация текста Повести по списку ИРЛИ УЦ 66).

²⁴ Голоскова Н. А. Житие Диодора Юрьегорского в обработке И. С. Мяндина // Источники по истории народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. трудов. Сыктывкар, 1991. С. 18—25.

²⁵ Рыжова Е. А., Шучалина С. В. К вопросу о круге произведений И. С. Мяндина // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 45—56 (с. 52—56 — публикация Повести о двух снохах и священнике по списку ИРЛИ УЦ 77 и двух разных повестей «о мужи и жене и о верности обою», имеющих одинаковое название, по спискам ИРЛИ УЦ н. 322, л. 1—5 и 49 об.—54).

²⁶ Рыжова Е. А. Печорская редакция «Азбуки о голом и небогатом» // V Уральские археографические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 60—62.

²⁷ Пигин А. В. Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV—XX веков (Повесть о бесе Зерефере; Повесть о видении Антония Галичанина; Повесть Никодима типикариси Соловецкого о некоем иноке; Повесть о бесноватой жене Соломони): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.

²⁸ Пигин А. В. 1) Повесть о бесе Зерефере в обработке И. С. Мяндина // РЛ. 2000. № 1. С. 159—166 (с. 165—166 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 67); 2) Усть-Цилемская редакция древнерусской повести о бесе Зерефере // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 426—429.

²⁹ Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 247—249 (с. 284—285 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 67).

мяндинского «Торжественника»),³⁰ в 2001 г. — о Повести о Басарге³¹ (с привлечением не исследованного Е. П. Ширмаковой мяндинского списка из сборника РНБ, ранее принадлежавшего проф. М. А. Яковлеву³²) и о Повести о Тимофее Владимирском, ранее вообще не исследовавшейся в ряду мяндинских переработок.³³ В последние два года нами были введены в научный оборот еще несколько мяндинских переработок древнерусских сочинений, ранее не бывших предметом специального исследования (Повесть о новгородском посаднике Щиле,³⁴ Житие Корнилия Выговского,³⁵ «Слово о ленивых»³⁶), а также заново исследованы обе мяндинские редакции Троянских сказаний.³⁷ В 2003 г. в рамках дипломной работы студенткой СыктГУ Н. А. Кармановой проведено исследование 9 новелл Великого Зеркала по мяндинским спискам, показавшее, что большинство из них в той или иной степени являются переработками древнерусского текста, выполненными с использованием приемов редактирования, уже известных по другим мяндинским переделкам.³⁸ В настоящее время студентами Сыктывкарского университета под моим руководством проводится исследование еще нескольких, ранее не рассматривавшихся мяндинских переделок: Сказания об Иосифе Прекрасном (М. Михайловой), Сказания об Александре Македонском (Р. Горинovem),³⁹ Хождения Агапия в рай (Е. Гаевой), Жития Вар-

³⁰ Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царевне Персике // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 16—25.

³¹ Волкова Т. Ф. Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитрие Басарге // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001. С. 96—104.

³² Современный шифр сборника — РНБ, НСРК, О.100, большая часть его переписана рукой И. С. Мяндина. Рукопись была найдена в Усть-Цильме В. И. Малышевым в ходе его первых экспедиций на Печору в 30-е гг. и передана М. А. Яковлеву для работы со студентами (см. об этом: Малышев В. И. Усть-Цильмские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 39, сн. 1). После смерти М. А. Яковлева его небольшая коллекция древнерусских рукописей попала в Публичную библиотеку. Сборник Яковлева привлекался Т. Ф. Чалковой в ходе исследования мяндинских редакций Повести о царевне и львице, один из списков которой находится в составе этой рукописи.

³³ Волкова Т. Ф. Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И. С. Мяндина // Вестн. Сыктывкарского ун-та. Серия 9. Филология. Сыктывкар, 2001. С. 4—21 (с. 18—21 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 70).

³⁴ Волкова Т. Ф. Печорские списки Повести о новгородском посаднике Щиле // О древней и новой русской литературе: Сб. статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 184—205.

³⁵ Волкова Т. Ф. «Соловецкая тема» в печорских рукописных сборниках // Книжные центры Древней Руси: Рукописи и книжники Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 405—435 (с. 430—435 — публикация текста Жития Корнилия Выговского по списку ИРЛИ УЦ 66).

³⁶ Волкова Т. Ф. Поучения против лени в кругу чтения старообрядцев Нижней Печоры // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2004. № 10. С. 55—79 (с. 77—78 — публикация 2 мяндинских списков «Слова» из сборников ИРЛИ УЦ 67 и 70).

³⁷ Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И. С. Мяндина) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 399—418 (с. 410—418 — публикация текста по списку ИРЛИ УЦ 267).

³⁸ Карманова Н. А. Новеллы «Великого Зеркала» в кругу чтения печорских крестьян / Науч. руководитель Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2003. См. также публикации: Карманова Н. А. 1) Новелла «Великого Зеркала» «О славе небесней» в обработке печорского крестьянина-старообрядца И. С. Мяндина // Старообрядчество: История, Культура, Современность. М., 2005. Т. 2. С. 190—200; 2) Усть-цилемская обработка новеллы «О Иоанне Конаксе и дщерях его» из «Великого Зеркала» // Материалы докладов пятнадцатой Коми республиканской молодежной научной конференции: В 2 т. Сыктывкар, 2004. С. 270—272; Волкова Т. Ф., Карманова Н. А. Работа печорского книжника И. С. Мяндина над текстом новелл «Великого Зеркала» (Новелла о царе, научившем приближенных бояться суда Божия) // От средневековья к новому времени: Сб. статей к 80-летию О. А. Белобровой (в печати).

³⁹ По этим темам были защищены дипломные работы: Михайлова М. В. Сюжет об Иосифе Прекрасном в древнерусской средневековой литературе и поздней старообрядческой традиции / Науч. руководитель Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2004; Горинова Р. А. Печорские списки Сказания об Александре Македонском / Науч. руководитель Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2004.

лаама Хутынского (Т. Кузьмина), Чудес Николая Мирликийского (С. Плехова) и Георгия Победоносца (А. Колесникова), сказаний о чудотворных иконах (О. Носова), Повести о хмеле (Я. Васкецова). Еще целый ряд текстов, дошедших в мяндинских списках, пока ждет своих исследователей (например, Повесть о табаке в составе мяндинского «Торжественника»); относительно некоторых из них В. И. Малышев указал (в своих комментариях к описанию усть-цилемских рукописных сборников) на наличие в них существенных расхождений с текстом известных опубликованных списков (повести о хмеле (ИРЛИ УЦ 66), о некоем старце-страннолюбце (ИРЛИ УЦ 67) и др.).

Как видно из представленного обзора, к настоящему времени выявлен и исследован значительный круг произведений древнерусской литературы, привлечших внимание усть-цилемского книжника. Каждая новая публикация, основанная на погружении (с той или иной степенью глубины) в поэтику и текстологию мяндинских списков древнерусских произведений, с одной стороны, подтверждала какие-то наблюдения, уже сделанные предшествующими исследователями рукописного наследия И. С. Мяндина и тем самым делала эти наблюдения более убедительными, подтверждала ранее выявленные тенденции, с другой стороны, всегда вносила что-то новое в наши представления о Мяндине-переписчике, о Мяндине-редакторе, Мяндине-писателе.

Однако слабой стороной такого «многоперсонального» изучения мяндинских переделок, вовлекших в свою орбиту исследователей разных научных школ и разных уровней (от студентов, публиковавших результаты своих дипломных изысканий, до маститых ученых, кандидатов и докторов наук, изучавших мяндинские редакции в контексте больших многоаспектных исследований с привлечением обширного историко-литературного материала), было преимущественное погружение авторов отдельных публикаций в свой материал, в исследованный ими текст, без глубокого всестороннего соотнесения его с уже изученными ранее мяндинскими переделками, что зачастую просто не входило в задачи подобных публикаций. Поэтому насущной задачей изучения литературного творчества И. С. Мяндина на данном этапе становится осмысление и обобщение всех сделанных различными исследователями наблюдений о редакторских принципах И. С. Мяндина, приемах использования им источников, разбросанных по отдельным статьям и монографиям. Не претендуя на монографическую глубину и широту обобщений, постараемся хотя бы кратко обозначить некоторые итоги изучения мяндинских переработок и очертить круг тех проблем и задач, которые встают перед исследователями в ходе их изучения.

В первую очередь в этом обзоре следует назвать задачу выявления в составе печорских рукописей, переписанных И. С. Мяндиным, новых сочинений, несущих на себе следы его редакторской работы. Эта задача в настоящее время не реализована даже в отношении самых известных мяндинских сборников — ИРЛИ УЦ 66, 67, 70, РНБ, НСРК, О.100, в составе которых читаются давно введенные в научный оборот мяндинские переделки (повести о царице и львице, Аггее, Персике, Басарге, Акире Премудром и др.), так как наряду с ними в этих объемистых сборниках И. С. Мяндиным переписаны и другие (разные по жанру и тематике) сочинения, мяндинские списки которых еще не стали предметом специального исследования. Только текстологический анализ этих списков в соотношении с другими известными или вновь выявленными в процессе целенаправленного источниковедческого поиска списками этих сочинений позволит определить степень оригинальности вновь выявленных мяндинских текстов и внести их, если они того заслуживают, в список его переделок. К этому — давно доступным для исследователей — сборникам в настоящее время добавился упомянутый выше мяндинский «Торжественник», который, поменяв нескольких хозяев со времени экспедиционной работы с ним ленинградских и сыктыв-

карских археографов, попал в библиотеку современной старообрядческой общины с. Усть-Цильма и недавно был на время передан в Научную библиотеку Сыктывкарского университета, где была изготовлена его электронная копия.⁴⁰ В составе «Торжественника» помимо обусловленных жанром сборника «слов» и поучений на темы годовых церковных праздников читаются и повествовательные тексты — повести, жития, апокрифы. Из них исследованы — благодаря сделанным Н. С. Демковой и ее учениками экспедиционным копиям — только некоторые повести (о Персике, о Динаре) и апокриф «Сказание Афродитиана». Ряд других повестей и апокрифов по спискам «Торжественника» еще не исследован, не выявлен характер их переработки И. С. Мяндиным (повесть о происхождении табака; апокрифы «Почтение от епистолии святого апостола Павла», эсхатологическое «Макариево видение», повесть об апостоле Фоме «како онъ строилъ полату индейскому царю», Хождение Агапия в рай). Большой интерес представляют мяндинские списки житий и повестей о чудотворных иконах, имеющиеся как в составе «Торжественника»,⁴¹ так и в других печорских сборниках из собраний ИРЛИ. Изучение их покажет, как относился Мяндин-переписчик к текстам этих жанров, подвергал ли их такой же переработке, как и повести, или сохранял текст в неизменном виде.

Выявление еще не известных мяндинских переделок позволит более полно решить и вторую задачу, которая встает в связи с их изучением: прояснение всего репертуара тем, проблем и идей, введенных И. С. Мяндиным в текст создаваемых им редакций древнерусских повестей или активизированных им по сравнению с источником, что даст в конечном счете представление о мировоззрении Мяндина-писателя, круге волновавших его жизненных явлений, а следовательно, и о мировоззрении всего печорского крестьянства, выразителем литературных интересов которого, этических установок и эстетических вкусов по сути дела и является И. С. Мяндин, живший на Печоре среди читателей своих рукописей и писавший для своих земляков — простых тружеников — охотников, рыбаков, земледельцев, торговцев пушниной и рыбой. Составление такого идейно-тематического свода на материале мяндинских редакций еще остается научной задачей, хотя материала для ее решения накоплено немало, так как каждый исследователь, прикоснувшийся к той или иной мяндинской переделке, обязательно касался и ее идейно-содержательной стороны. Так, уже первая работа о мяндинских переделках В. И. Малышева, как уже отмечалось, выявила интерес печорского книжника к семейной тематике, к образу идеального правителя, привлекавшего демократического читателя своим вниманием к мнению «всенародного множества», желанием приобщить народ к решению государственных проблем. Последующие исследования выявили и другие проблемы, волновавшие печорского редактора, что сказалось, в частности, на выборе им литературных сюжетов для дальнейшей обработки и переосмысления. Так внутри семейной тематики И. С. Мяндина особенно заинтересовала проблема доверия между любящими членами семьи, их способности устоять перед завистью и клеветой. Она по-разному преломилась в трех переработанных И. С. Мяндиным

⁴⁰ О судьбе «Торжественника» и его составе см.: Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 8—11 декабря 2003 г. СПб., 2003. С. 105—114.

⁴¹ Из русских житий в «Торжественник» включены жития Иосифа Волоцкого, Антония Римлянина с приложением сказания о построении монастыря Рождества Богородицы и «чуда о бочке» (оно включено также в мяндинский сборник ИРЛИ УЦ 72), Варлаама Хутынского с чудом «о мразе и снеге в Петров пост» (известного и в других мяндинских списках — ИРЛИ УЦ 66, РНБ, НСРК, О.100), Кирилла Белозерского; из повестей о чудотворных иконах и знаменитых монастырях представлены: повести о чудесах от иконы Богородицы «во граде Устюзе» и «в Великом Нове граде», богородичное чудо «О Ватопедскомъ монастыре во Святой горе» и др.

повестях — о царице и львице, о царевне Персике и об Акире Премудром, в которых мотивы клеветы и зависти становятся движущими пружинами сюжета. Тема идеального правителя привлекла Мяндина и такими своими гранями, которые позволяли на ее материале показать спасительную роль покаяния в судьбе человека, способность простого человека нести бремя власти и быть милостивым правителем и, напротив, неспособность царя, познавшего труд правителя, справиться с простой крестьянской работой (повести о гордом царе Аггее, об убогом человеке, како от диавола произведен царем). Мысль о великой силе покаяния привлекла И. С. Мяндина и к сюжетам о раскаявшемся грешнике (повести о Тимофее Владимирском, о новгородском посаднике Щиле). Древний сюжет об испытании героя мудрыми загадками, неразгадывание которых ставит под угрозу его жизнь (Повесть о Басарге), под пером печорского книжника-старообрядца поворачивается к читателю идеей неизбежности победы героев-христиан, защищенных промыслом Божиим, над правителем «неистинной» веры, — идеей, близкой сознанию демократических читателей старообрядческой Печоры. Даже в апокрифическом сюжете на евангельскую тему Рождества Христова И. С. Мяндина привлек все тот же образ «идеального правителя», просвечивавший сквозь образ апокрифического младенца Христа в той редакции «Сказания», которая попала в руки усть-цилемского книжника. Дальнейшее изучение всего комплекса мяндинских переработок позволит более четко охарактеризовать всю идейно-тематическую палитру созданных И. С. Мяндиным новых версий средневековых повестей.

В решении этой проблемы немаловажную роль играет выявление той исходной текстовой базы, на которую опирался печорский книжник, создавая новые списки старинных произведений. Поэтому проблема источников мяндинских редакций всегда была в центре внимания их исследователей, и по мере возможности они старались ее разрешить. В ряде случаев это вполне удалось («Аггей», «Щил», «Динара», «Афродитиан», «Басарга», «Григорий Чудотворец», «Видение Антония Галичанина», Повесть об убогом человеке). Однако для целого ряда мяндинских переработок проблема установления их непосредственных источников все еще остается актуальной, для ее разрешения требуется целенаправленная поисковая работа по выявлению всех имеющихся сейчас в хранилищах списков данных памятников и их текстологическому изучению. Так, к настоящему времени не обнаружен непосредственный источник двух печорских редакций Троянских сказаний, хотя его состав реконструирован О. В. Твороговым и установлены его первоисточники,⁴² скомпилированные неизвестным составителем, которым, впрочем, мог быть и сам И. С. Мяндин. Не установлены источники мяндинских переработок Александрии, Сказания об Иосифе прекрасном, ряда новелл, заголовками соотносенных со сборником Великое Зерцало, но в составе обоих его русских переводов не обнаруженных. Только гипотетически можно рассматривать как непосредственный источник мяндинской редакции «Персики» один из несохранившихся печорских списков повести, увиденный во время поездки на Печору и описанный Н. Е. Ончуковым.⁴³

Однако при всех оставшихся текстологических вопросах разыскания исследователей мяндинских переделок выявили ряд особенностей работы печорского книжника над своими источниками. Во-первых, в целом ряде случаев прослеживается его склонность объединять в рамках одного сюжета повествовательные элементы, восходящие к разным источникам. Помимо Троянских сказаний, обнаруживающих, как отмечено ранее, подобную тенденцию, влияние различных источников выявлено, например, в мяндинских списках Повести о Григо-

⁴² Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников. С. 229—230.

⁴³ См.: Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике. С. 329—330.

рии чудотворце, контаминировавших текст Великого Зеркала (гл. 131 второго перевода) и минейного рассказа из Жития Григория Неокесарийского, обычно читающегося в Минеях и Прологах под 17 ноября. При этом, по наблюдениям Е. М. Шварц, выявившей источники данного мяндинского рассказа, редакторская работа проведена И. С. Мяндиным так глубоко, что с трудом отыскиваются признаки, по которым можно было бы с уверенностью судить о том, к какому именно переводу Великого Зеркала восходят печорские редакции повести.⁴⁴ Столь же компилятивный характер обнаруживает и другая повесть, созданная И. С. Мяндиным на основе новеллы Великого Зеркала, — о некоем царе, который пытался научить своих приближенных, «како подобает бояться суда Божия», известная в двух мяндинских списках (ИРЛИ УЦ 67 и 70). Как показало исследование Н. А. Кармановой,⁴⁵ помимо материала главы 38 из Зеркала второго перевода⁴⁶ И. С. Мяндин использовал в своей переработке несколько сюжетных мотивов, почерпнутых из Повести о Варлааме и Иоасафе,⁴⁷ органично вплета их в сюжет зерцаловской новеллы.

Изучение некоторых переработок И. С. Мяндина позволило реконструировать и своеобразный «биографический механизм» появления мяндинских редакций. Так, исследуя печорские списки Повести о царице Динаре, Т. С. Троицкая выявила в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ ранний список Повести (начала XVII в.), побывавший в руках И. С. Мяндина еще в годы его юности (УЦ 6),⁴⁸ и сделанную с него усть-цилемским переписчиком первую скорописную копию, выполнявшую для него роль черновика (УЦ 207), которая впоследствии послужила И. С. Мяндину материалом для дальнейшей переработки повести. На основании этих наблюдений исследовательница попыталась восстановить историю появления мяндинской редакции «Динары»: «Прочитав однажды содержащий повесть сборник (1840 г. Усть-Цилемск. б) и, вероятно, заинтересовавшись сюжетом о мудрой правительнице, И. С. Мяндин в середине XIX в. скопировал попавшийся под руку текст повести. Так появился черновик (Усть-Цилемск. 207), который давал возможность в удобное время приглядеться внимательней к тексту повести, обработать его в соответствии со своими литературными вкусами (Усть-Цилемск. новое 368 (мяндинский «Торжественник». — Т. В.))».⁴⁹ Возможно, и другие переработки И. С. Мяндина возникали подобным образом, но до нас не дошли начальные этапы работы над ними книжника.

Изучение мяндинских переделок выявило и признаки повторного обращения И. С. Мяндина к своим источникам при создании им новых списков понравившихся произведений. Так, проведенное нами текстологическое исследование двух мяндинских списков Повести о посаднике Щиле (ИРЛИ УЦ 66 и РНБ, НСРК, О.100) в их соотношении с другим печорским списком «Щила» — ИРЛИ УЦ 91 (скорее всего, послужившим для И. С. Мяндина источником) показало, что, создавая новый список повести (ИРЛИ УЦ 66), И. С. Мяндин для уточнения отдельных чтений и исправления неточностей, по-видимому, заново обращался к ранее использованному списку — УЦ 19.⁵⁰

⁴⁴ Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце... С. 343.

⁴⁵ См. выше сноску 38.

⁴⁶ См. издание: Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 218—219.

⁴⁷ Повесть о Варлааме и Иоасафе была известна на Печоре: одна из ее притч — «Слово о богатых человецех» — дошла в составе двух печорских сборников — ИРЛИ УЦ 14 (л. 253 об.—256 об.) и УЦ 67 (сборник И. С. Мяндина, л. 221—223 об.; в этом же сборнике находится и один из списков зерцаловской «Повести о некоем царе»).

⁴⁸ На л. 219—219 об. рукописи имеется читательская помета И. С. Мяндина 1840 г.

⁴⁹ Троицкая Т. С. Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина. С. 40.

⁵⁰ Текстологическое исследование печорских списков Повести о посаднике Щиле проведено нами в указанной выше статье (см. сн. 34).

Однако проблема источников мяндинских переработок имеет и другое, не менее важное преломление — для объективной характеристики литературной работы печорского книжника необходимо комплексное изучение всех редакторских приемов, использованных И. С. Мяндиным при создании своих версий древнерусских произведений. Рассмотренные в совокупности исследования мяндинских редакций дают интересный и богатый материал для подобных наблюдений. Во-первых, выявляются разные уровни переработки И. С. Мяндиным своих источников. Исследования показывают, что работа над чужим текстом велась И. С. Мяндиным с разной шириной охвата основных формальных и содержательных уровней произведения — от минимальной правки стиля, синонимических замен и небольших сокращений до полной переработки сюжетно-композиционной структуры и практически замены текста источника собственным текстом. Между этими полюсами располагается большое количество переходных форм, которые отражают все основные виды идейно-художественной переработки текста: сокращения, влияющие на художественную архитектуру образов и характер сюжета, добавление нового материала, зачастую вносящего новую проблематику и идеи, сюжетно-композиционная и стилистическая перестройка текста. В качестве примеров минимальной правки источника И. С. Мяндиным можно привести его перелелки Видения Антония Галичанина, Повести о посаднике Щиле; существенной переработке подверглись, например, повести о царице и львице, о гордом царе Аггее. К настоящему времени накоплено много ценных наблюдений о конкретных приемах редакторской работы И. С. Мяндина на каждом из обозначенных выше уровней. Подробная их характеристика — задача специальной публикации. В рамках данной статьи мы ограничимся лишь некоторыми примерами.

Наиболее активно, судя по имеющимся публикациям, усть-цилемский редактор прибегал к разного типа сокращениям, что впервые было отмечено, как мы уже говорили, В. И. Малышевым. Если суммировать его наблюдения и высказывания последующих исследователей, можно выделить следующие типы сокращений, использовавшиеся печорским книжником (располагаем их в порядке возрастания объема сокращаемого текста): сокращение отдельных слов, фраз, сюжетных мотивов и деталей, отдельных эпизодов, значительной части текста, превосходящей по объему сохраняемую часть текста источника. С точки зрения речевых форм изображения страдали при этом в первую очередь различные описания и рассуждения: они либо вообще опускались, либо заменялись новыми, введенными редактором. С точки зрения субъектов повествования редактируемый текст также менялся, так как часто сокращались (или переводились в косвенную речь) диалоги и монологи персонажей. Когда сокращение проводилось на лексико-фразеологическом уровне, ему подвергались обычно дефектные, искаженные чтения списка-источника (см., например, сокращения некоторых чтений Чудовской редакции в мяндинском списке «Сказания Афродитиана»,⁵¹ исключение «темных», испорченных участков текста источника в мяндинской переработке «Динары»⁵²), архаизмы, гречизмы, церковнославянизмы, синтаксически сложные, обремененные рядом придаточных предложений фразы, а также риторические пассажи редактируемого текста (эту тенденцию впервые отметил на материале мяндинской «Персики» В. И. Малышев⁵³). В результате текст источника под пером печорского книжника претерпевал существенные изменения: изложение становилось «проще, стройнее, язык — яснее и ближе к народно-разговорной речи».⁵⁴

⁵¹ Бобров А. Г. Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 254.

⁵² Троицкая Т. С. Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина. С. 41.

⁵³ Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царице Персике. С. 328.

⁵⁴ Там же.

В той же Повести о царевне Персике очень ярко проявилась и тенденция к сокращению целых сюжетных эпизодов источника, которые либо вовсе опускаются (например, эпизод обучения Евгения — будущего мужа Персики — наукам в Риме), либо излагаются конспективно (поиски новой жены для царя Михаила, его свадьба с Люцией, последующий отъезд царя Михаила на брань, увоз Персики в «пустая места» и др.).⁵⁵ Следствием такой редакторской работы И. С. Мяндина стало изменение сюжетной структуры текста. В Повести о Персике это привело к концентрации внимания на главной сюжетной линии — рассказе о судьбе Персики, ставшей жертвой зависти своей мачехи и спасенной Богородицей. Такое же смещение сюжетных акцентов вследствие сокращения ряда эпизодов происходит и в Повести об Акире премудром. В результате устаревания эпизодов, вводящих в повествование дополнительные сюжетные линии — Акир и его жена Феодулия, Акир и его несостоявшийся палач Анбугил, ливийский царь Синогриф и египетский фараон Елтеги, воспитание Акиром приемного сына Анадана (включает 70 моральных наставлений Акира воспитаннику, также опущенных Мяндиным), испытание мудрости Акира в Египте (три загадки сведены Мяндиным к одной)⁵⁶ — на первый план в печорской редакции выдвигается главная сюжетная линия — рассказ о клевете и предательстве Анадана и испытаниях оклеветанного и преданного воспитанником Акира, тем самым активизируется тема клеветы и зависти, особенно волновавшая, как мы уже отмечали в начале статьи, печорского книжника. В этом же ряду следует упомянуть и опущенные И. С. Мяндиным эпизоды в Повести о царице и львице.⁵⁷ История обнаружения львицы и одного из сыновей царицы, которого она воспитала, некими «корабельщиками», сюжетно разработанная в основной редакции повести, по-видимому, в восприятии печорского книжника несколько уводила читателя в сторону от более важного для него сюжета о терпении и смирении царицы, которые в конечном счете побеждают клевету и зависть ее свекрови.⁵⁸ Поэтому он сократил эту часть повести, несмотря на занимательность составляющих ее сюжетных мотивов.

Зачастую И. С. Мяндин сокращает однотипные, повторяющиеся эпизоды источника, что также приводит к изменению характера сюжета. Так, например, в мяндинской редакции Повести о новгородском посаднике Щиле вследствие подобного рода сокращений внимание читателя с однотипных, повторяющихся действий сына «лихоимца» Щила, описанных к тому же в сходных выражениях, переключается на самого героя повести — грешника Щила, за посмертной судьбой которого и следил читатель мяндинского текста. Для печорского редактора, по-видимому, более важным в сюжете повести был сам факт покаяния Щила (тема, также волновавшая И. С. Мяндина), его полная отдача на волю Бога и полученное затем через сына прощение, чем детали ритуала «отмаливания» грехов отца сыном во время церковных служб.

Сокращения, предпринимаемые И. С. Мяндиным, как правило, сказывались и на общей динамике развития сюжета: он становился короче и динамичней, так как опускались подробности, замедляющие развитие действия (в частности, это было отмечено Е. М. Шварц при анализе печорской редакции Повести о Григории Чудотворце и идольском жреце⁵⁹).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Эти сокращения прослежены Е. К. Пиотровской, см.: Пиотровская Е. К. Усть-цилемская обработка Повести об Акире премудром. С. 378—379.

⁵⁷ О сокращениях мяндинской редакции «Царицы и львицы» см.: Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина. С. 235, 236.

⁵⁸ Наши наблюдения над особенностями сюжета Повести о царице и львице см.: Волкова Т. Ф. К вопросу о характере сюжета в «Повести о царице и львице» // Вестн. Сыктывкарского ун-та. Сер. 9. Филология. Вып. 5. Сыктывкар, 2003. С. 4—17.

⁵⁹ См.: Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце... С. 346.

Иногда сокращения эпизодов, предпринимаемые И. С. Мяндиным, связаны с трансформацией в его редакции жанровой природы источника. Как показало исследование А. Г. Боброва, печорский книжник воспринял апокрифическое «Сказание Афродитиана» как произведение, близкое по жанру к переводным повестям, которые он перерабатывал (о Басарге, о царе Аггее, о царице и львице и др.). Об этом свидетельствует измененное в печорской редакции название произведения — «Повесть Афродитиана *историка*...»: автор «Сказания» для И. С. Мяндина — «не церковный авторитет, подобный „святым отцам“, а лишь „историк“, т. е. сочинитель легендарных историй». Поэтому в мяндинской редакции и сокращен ряд эпизодов, связанных с Богородицей (диалог между волхвами и Марией, описание внешности Марии и младенца): «они были бы неуместны в произведении легендарно-исторического жанра».⁶⁰

Однако в своей редакторской работе И. С. Мяндин не ограничивался сокращением исходного текста. Эта работа у него зачастую сопровождалась дополнением источника, также прослеживающимся на разных уровнях произведения. Очень часто печорский редактор, опуская «мешающие» ему детали и подробности источника, делает свои небольшие вставки, конкретизирующие смысл описываемых событий. Так, по наблюдениям Е. М. Шварц, в мяндинской редакции Повести о Григории чудотворце конкретизируется, зачем св. Григорий зашел в капище («спати до утра»), причина, побудившая его написать письмо статуе Аполлона («святые же Григории *умилосердися на плачь жреца, паче же провиде яже о нем хотящее быти, написа епистолию*...»), распространяется прямая речь моление жреца возратить его бога (что усиливает, на наш взгляд, психологическую насыщенность повествования), расширяется финал повести (у Мяндина св. Григорий крестит не только самого жреца, но и всех его домашних), что позволяет довести сюжет до логического конца.⁶¹ Подобная конкретизация текста источника наряду с его сокращением прослеживается и во многих других мяндинских переработках, например в его редакции Повести о Басарге,⁶² в ряде повестей из Великого Зерцала.

Иногда проявление конкретизирующей тенденции в мяндинских переработках связано с наличием в сюжете источника эпизодов, представлявших усть-цилемскому редактору, по-видимому, особенно интересными либо в силу их близости его личному крестьянскому опыту, либо по причине заложенного в них, но не раскрытого сюжетного потенциала. Так, переписывая Повесть о гордом царе Аггее, И. С. Мяндин обращает особое внимание на эпизод вынужденной работы царя Аггея у крестьянина, дополняя текст источника целым рядом подробностей: «он любовно перечисляет разные виды работ, показывая полную неприиспособленность к ним царя».⁶³

Особенно много дополнений, выделяющихся на фоне окружающего текста даже своим стилем, напоминающим, по замечанию О. В. Творогова, тот демократический стиль, который во времена Пушкина именовался «галантерейным»,⁶⁴ появляется в тех сюжетных эпизодах мяндинских переработок, где редактору явно не хватало в тексте средневековых источников психологических мотивировок поведения персонажей, описания их чувств и мыслей. Так, рассказывая в своей версии Троянской истории о встрече «Еркулеса» с обреченной на смерть дочерью троянского царя Поликсеной, отданной на съедение трехглавому змею, И. С. Мяндин подробно описывает переживания обоих героев. При

⁶⁰ Бобров А. Г. Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 255.

⁶¹ См.: Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце... С. 343—344.

⁶² См.: Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке. С. 268.

⁶³ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе... С. 219—220.

⁶⁴ Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников. С. 232.

виде незнакомки «храбрый Еркулес» «так <...> был тронут жалостию к девушке; особенно его привлекло любопытство узнать, чего ради такая добродородная девушка и прекрасная одна стоит на пустом месте и не бежит к родным» (ИРЛИ УЦ 66, л. 117 об.—118); после рассказа Поликсены о своей печальной участи редактор добавляет: «Сии последнии слова так впечатлелись в сердце юнаго Еркулеса, что он не мог отказать от таких приятных слов молодой прекрасной девушки» (Там же, л. 119 об.). Не оставил И. С. Мяндин без внимания и переживания героини: «...и сама девушка ощутила к храброму незнакомцу горячую любовь» (Там же, л. 120 об.). Та же тенденция прослеживается, по наблюдениям О. В. Творогова, и в мяндинских списках «Александрии» и Сказания об Иосифе Прекрасном, находящихся в том же сборнике УЦ 66, что и процитированный выше список «Троянских сказаний». В «Александрии» в той же стилистической манере описывается любовь Александра Македонского к дочери индийского царя Пора, тоже Поликсене (!), в переделке «Сказания об Иосифе Прекрасном» — сцена искушения Иосифа женой Пентефрия.⁶⁵

Стремление И. С. Мяндина к мотивированности повествования отмечают и другие исследователи, обращая внимание на активное использование печорским книжником (помимо приема художественной разработки отдельных эпизодов, рассмотренного выше) подчинительного предлога «ради» («того ради», «сего ради»), маркирующего вводимые далее пояснения. Они встречаются и в переработках Повести о Басарге,⁶⁶ и в новеллах Великого Зерцала, переработанных И. С. Мяндиным (например, в повести об Иоанне Конаксе и его дочерях: «Оставши же ему имения, *того ради* дщери и зятеве вельми его почит аху...» — ИРЛИ УЦ 72, л. 14; «Дщери же его и зятие зѣло почитающе его зане осталось у отца их стяжания много и *сего ради* на всякъ день дщери его с мужи своими гошаху с великой лаской и почтением...» — ИРЛИ УЦ 66, л. 189—189 об.).

Иногда мотивирующий действия героя текст облекается в форму внутреннего монолога, передающего его мысли. Иоанн Конакс в упомянутой выше новелле Зерцала в изложении Мяндина, обнаружив резкую перемену в отношении к нему дочерей, вызванную «оскудением» его «имения», произносит мысленно целую речь, «зѣло себе зазирая», которая подготавливает читателя к тому испытанию Иоанном дочерей, которое описывается далее: «„Увы мне, безумному, яко вотще раздахъ стяжание свое, яко и на старость мою нѣоткуда надѣюся получитьи утѣшение! Дщери бо и зятяя мои похитивше имѣние мое, нынѣ мя презирати начаша“. Сиче Иоанну на всякъ день много тужащу и сѣтующу о презрѣнии своем и о источании стяжания» (УЦ 66, л. 190—190 об.). Иногда комментарий вводится от автора в виде краткого замечания. Так, в новелле о старце, раздумавшем после общения с ангелом переносить свою келью поближе к воде, в мяндинской редакции появляется следующий комментарий, отсутствующий в новелле-источнике: «Старец нѣкий живяше 20 поприщъ от воды и *сего ради немалъ трудъ подъема в ношении воды на свою телѣсную потребу*» (ИРЛИ УЦ 66, л. 435). Это небольшое дополнение печорского редактора о «немалом труде» старца делает более понятным для читателя задуманное им переселение.⁶⁷ Примеры подобного рода пояснений в мяндинских переработках встречаются постоянно. Это свидетельствует о писательской установке печорского книжника на максимальную проясненность всего, что им описывается, на желание избежать каких-либо недомолвок и неясностей в развитии сюжета.

⁶⁵ Там же. С. 232—233.

⁶⁶ Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке. С. 268.

⁶⁷ Наблюдения над текстом данных новелл Великого Зерцала в переработке И. С. Мяндина следованы Н. А. Кармановой.

Следует обратить внимание и еще на один вид дополнений, выявленных исследователями в мяндинских редакциях древнерусских повестей. Это концовки, которые И. С. Мяндин либо художественно разрабатывает, добавляя с их помощью новую проблематику в текст источника, либо вводит заново, решая определенные идейно-художественные задачи. На это впервые обратил внимание В. И. Малышев, анализируя две близкие по тематике и сюжету повести в мяндинской редакции — о царевне Персике и царице и львице.⁶⁸ В «Персике» новая концовка повести содержит обращение отца Персики царя Михаила к народу — мотив, отсутствующий в основной редакции. Обращаясь на пиру к «всенародному множеству», царь отказывается от своей короны по старости («аз стар есмь») и утверждает на царстве своего «приемного сына» Евгения — спасителя и избранника Персики и свою дочь «к великой радости всех граждан». Такая концовка закрепляла в сознании читателя образ царя, близкого к народу, обращающегося к нему за советом, вовлекающего всех граждан в круговорот своих семейных и государственных дел. В мяндинской редакции «Царицы и львицы» (по списку ИРЛИ УЦ 66) старший сын царя, изгнавшего свою супругу с малолетними близнецами из дома в «пустыню», для суда над отцом и его матерью-клеветницей собирает «всех людей со всего царства своего» и обращается на суде «к мужам христианским величим и меньшим» с просьбой рассудить, что ему «подобает творити». Граждане одобряют решение нового царя предать смерти разлучницу его родителей — свекровь царицы, а мужа царицы, бывшего царя, отправить в монастырь на покаяние. «Здесь несомненно сказались, — замечает по поводу такой концовки повести В. И. Малышев, — демократические взгляды печорского редактора „Повести“».

В некоторых случаях введенные И. С. Мяндиным концовки носят характер обращения автора к читателю морально-назидательного характера. Так новеллу Великого Зеркала «О непослупании родителей» (гл. 111 второго перевода), рассказывающую о юноше, ставшем вопреки наставлениям родителей преступником и за это казненным, И. С. Мяндин завершает обращением к читателям (отсутствующим в тексте Зеркала), которое переводит бытовую контекст финала (у казненного юноши неожиданно появляется старческая борода, указывающая на срок, отпущенный ему Богом, до которого он не дожил) в иную — философскую — плоскость, обращая читателя к теме «вечных мук», ждущих грешника в ином мире: «Да се вѣдуше, братие, приидем в чювство и не будемъ прогнѣвающе Бога безстрашием и непокорением к родителем своимъ и злыми дѣлы, да не напрасно здѣ восприимем по достоянню и в будущем же безконечныя муки и томлении» (РНБ, НСРК, О.100, л. 61). Отметим, что эта добавленная Мяндиным концовка своими мотивами — призывом проявлять послушание к родителям и угрозой «вечных мук» — перекликается с концовкой Повести об Акире Премудром, комментирующей сообщение о казни Анадана своим приемного сына-предателя Анадана: назидательный смысл казни Анадана оказывается в том, «чтобы не токмо родныя дети, но и сыновленныя (!) бы почитали своих родителей и не клеватали бы напрасно, да что хотя на сем свете и убежим должника наказания, но в будущем не бежати вечнаго мучения» (ИРЛИ УЦ н. 368. «Цветник», л. 160 об.). Подобные концовки отражали напряженные размышления книжника-старообрядца над важнейшими темами бытия в их эсхатологическом преломлении, характерном для мировоззрения старообрядцев, в котором идеи «конца мира» и загробного бытия души занимали важное место.⁶⁹

⁶⁸ Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике. С. 328, 330.

⁶⁹ См. об этом исследования Н. С. Гурьяновой: 1) Крестыанский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988; 2) Старообрядческое эсхатологическое учение как социальный миф // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 94—123; 3) Эсхатологиче-

Активно интересовался ими, судя по целому «эсхатологическому» пласту переписанных им рукописных текстов,⁷⁰ и И. С. Мяндин, зачастую вводивший эсхатологические мотивы в свои переработки, меняя тем самым повествовательную и риторическую «тональность» некоторых переписываемых им текстов. Примером подобного рода «эсхатологизации» текста может служить мяндинская перделка «Слова о ленивых», дошедшая в списке ИРЛИ УЦ 67 (л. 25 об.—29 об.) под названием «Разсуждение». В нем после назидательной концовки о грозящих ленивому «вечных муках», сходной с кратким вариантом печорской редакции «Слова»,⁷¹ следует продолжение, выводящее тему лениности из чисто бытового плана в духовный. Здесь почти на двух листах автор рассуждает о пьянстве и ростовщичестве как приметах «дней сих» «антихристово царствия» и призывает не прельщаться «суетами и попеченьми мира сего», но «блюстися» и «хранитися» от всех соблазнов, «аще и блага мнятся, но не полезны, паче же губительны» (л. 29—29 об.).⁷² Эта расширенная концовка «Разсуждения» не находит прямых аналогов в других списках «Слова о ленивых», в том числе и мяндинских. Возможно, дальнейшее исследование выявит источник данной части мяндинского поучения, скорее всего находящийся вне тематического круга поучений против лени. Однако вероятнее всего, что данный фрагмент поучения просто «собран» печорским книжником из отдельных, распространенных в старообрядческой рукописной книжности эсхатологических мотивов, и в этом случае И. С. Мяндина можно рассматривать как создателя данного текстового комплекса.

Если рассматривать оригинальные фрагменты, введенные И. С. Мяндиным в текст «Разсуждения» и краткой редакции «Слова о ленивых», в контексте нашего обзора, они составят еще один тип «добавлений» к источнику, который выявляется в редакторской работе усть-цилемского книжника. В данном случае речь идет о почти полной замене текста источника оригинальным текстом, не находящим аналогов в других списках этого произведения и принадлежащим, по всей видимости, руке самого И. С. Мяндина. Источниковедческий анализ печорских списков «Слова о ленивых», проведенный нами, показал, что лишь начальные строки в них восходят к одной из разновидностей поучений против лени — так называемому «Слову из Пчелы», вся же остальная часть текста не имеет аналогов в известных сейчас списках этого «Слова», получившего широкое распространение в поздней рукописной традиции.⁷³ Здесь представлено избыточное конкретными деталями и зримыми подробностями описание разрушенного ленью хозяйства нерадивого крестьянина.⁷⁴ В этом описании, как и в опи-

ский миф у старообрядцев XVII века // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 410—418.

⁷⁰ См., например, содержащиеся в сборнике УЦ 67 эсхатологические тексты: «Слово о антихристе», «О пришествия антихристове различныя свидетельства», Слово Ипполита папы Римского о скончании мира, антихристе и втором пришествии, старообрядческое сочинение о последнем времени «Поучение», «О последнем времени и удалении от мирских соблазнов» и др.

⁷¹ Мяндинские списки этой редакции — ИРЛИ УЦ 70, л. 35 об.—36 об. — «О Ленивых»; УЦ н. 322, л. 37 об.—39 — «О ленивых слово».

⁷² См. подробнее об этой переработке И. С. Мяндина: Волкова Т. Ф. Поучения против лени... С. 67—68.

⁷³ Нам известны следующие печорские списки этого «Слова»: ИРЛИ УЦ 16, л. 141—141 об., УЦ 91, л. 1—2 об., УЦ 120, л. 29—32; УЦ н. 94, л. 174—176 об., НБ СыктГУ УЦ р. 172.

⁷⁴ Отметим, что помимо 3 мяндинских списков «Слова» (краткой и пространной редакции) сохранились два поздних, явно печорских списка «Слова» (ИРЛИ УЦ 71, л. 9 об.—11 — «О ленивых»; УЦ 47, л. 12—14 об. — «О лънвомъ»), в которых, так же как и в переписанных Мяндиным, произведена замена текста из «Пчелы» на оригинальный текст, рисующий плачевное состояние усадьбы ленивого, однако в них использованы иные детали и подробности, не совпадающие с мяндинским текстом. Возможно, эти печорские перделки «Слова» созданы другими печорскими книжниками. Не исключена и версия, что эти списки отражают созданный Мяндиным текст, не дошедший до нас в автографах.

сании работы царя Аггея у крестьянина, обнаруживается хорошее знание автором того явления, которое он изображает, ощущается внутренняя заинтересованность пишущего в том, чтобы нарисованная в «Слове» впечатляющая картина гибели крестьянского «гнезда» вследствие победы над хозяином и хозяйкой «беса лени» послужила для читателей серьезным предостережением, уберегла от гибельного пути ленивцев. По-видимому, такой серьезной установкой и объясняется появление из-под пера Мяндина наряду с достаточно шутливым текстом «Слова», ритмически организованным — по аналогии с древнерусским поучением (краткая редакция), и пространного варианта, в котором шутливость уступила место сугубо серьезному подходу к теме («Разсуждение»),⁷⁵ что повлекло за собой даже утрату в сходных по мотивам с краткой редакцией фрагментах текста ритмичности и афористичности, несколько смягчавших в краткой редакции тяжелое впечатление от нарисованной картины. Таким образом, причиной подобной радикальной переработки текста источника для Мяндина служила, по-видимому, особая актуальность для его читателей темы, которая раскрывалась в старинном тексте, попавшем в поле зрения усть-цилемского книжника.

Иногда появление в мяндинских списках нового, введенного редактором текста диктовалось практическими причинами — дефектностью попавшего в его руки списка понравившегося ему сочинения. В одном из сборников Верхнепечорского собрания ИРЛИ (№ 2), когда-то бытовавшем на нижней Печоре, читается Житие Диодора Юрьевского, начальная часть текста которого переписана рукой И. С. Мяндина. Исследуя этот список Жития, Н. А. Голоскова (Петренко) высказала предположение о том, каким образом в нем появилось мяндинское начало: скорее всего, попавший в руки И. С. Мяндина список утратил в процессе бытования начальную часть житийного повествования, другого списка Жития Диодора в распоряжении печорского книжника, по-видимому, не было, и утраченная часть Жития, повествующая о жизни Диодора на Соловках, о его столкновениях с соловецкой братией, была ему неизвестна, поэтому начало Жития И. С. Мяндин восполнил таким рассказом, какой, по представлениям крестьянского книжника XIX в., должен был находиться в начале повести об основателе монастыря. Он реставрировал рукопись, вклеив в начале текста Жития Диодора два листа (267—268) взамен примерно 10 утраченных, и изложил на них свою краткую версию детства и юности Диодора по всем правилам агиографического жанра.⁷⁶

Мы рассмотрели основные разновидности дополнений, которые замечены исследователями в тексте мяндинских переработок. Они, как и сокращения, предпринимавшиеся печорским редактором, весьма разнообразны и свидетельствуют о творческом подходе И. С. Мяндина к тексту своих источников. В еще большей степени об этом свидетельствуют редакторские приемы печорского книжника, лежащие в сфере сюжетно-композиционной перестройки текста. Исследователи мяндинских переработок неоднократно отмечали стремление печорского редактора к «выпрямлению» композиции исходного текста. Эта тенденция прослеживается и в мяндинских списках Повести о царице и львице, где полностью разрушается сюжетная схема основной редакции — нарушается параллелизм в описании приключений царских сыновей,⁷⁷ и в мяндинской Повести о Басарге, в тексте которой происходит композиционное стяжение, разрушающее традиционную фольклорную формулу троекратного действия: церемония загадывания и разгадывания загадок совершается в один день вместо

⁷⁵ Отметим, что эсхатологические мотивы «Разсуждения» вполне соотносились с эсхатологической подборкой, которая содержалась в сборнике УЦ 67 (см. сноску 70).

⁷⁶ Голоскова Н. А. Житие Диодора Юрьевского... С. 22.

⁷⁷ Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина. С. 237.

трех (как в источнике); кроме того, изменена ситуация переодевания и обмена местами сына Басарги и «нечестивого» царя: у Мяндина это происходит в самом начале эпизода разгадывания загадок при стечении народа, тогда как в других редакциях повести так отгадывается только третья загадка Несмеяна.⁷⁸ В Повести о царевне Персике И. С. Мяндин устраняет из экспозиционной части повествования эпизод, рассказывающий об обучении Евгения в Риме, который в основной редакции вводил в экспозицию, в основном посвященную Персике, параллельный сюжет о ее будущем спасителе, что, очевидно, показалось Мяндину нарушением последовательности повествования.⁷⁹ «Выпрямление» композиции иногда проводилось Мяндиным путем унификации субъекта повествования. Так, в усть-цилемском виде книжной редакции «Видения Антония Галичанина», созданном И. С. Мяндиным, печорский редактор произвел лишь одно, но весьма характерное изменение: в первой части он заменил повествование от лица автора повествованием от лица Антония, придав тем самым тексту большую композиционную стройность и логичность, так как в тексте-источнике в первой части «Видения» рассказ велся от 3-го лица, а во второй — от 1-го лица.⁸⁰

Однако в редакторской работе И. С. Мяндина обнаруживаются и более сложные приемы сюжетно-композиционной перестройки текста, послужившего для него источником. Они выявились в ходе исследования двух мяндинских списков «Троянских сказаний», которое мы провели, продолжив работу О. В. Творогова по изучению этих текстов.⁸¹ Суть работы И. С. Мяндина на втором этапе освоения сюжета «Сказаний» (список ИРЛИ УЦ 66, л. 116—139 об.) состояла, с одной стороны, в сокращении целого ряда эпизодов предшествующей версии (список ИРЛИ УЦ 267, л. 289—324 об.), что не могло не сказаться на характере сюжета в целом, с другой — в сведении в одну композиционную зону разъединенных в сюжете УЦ 267, но тематически близких эпизодов. Более всего в композиционном отношении подверглась переработке в версии УЦ 66 та часть повествования, которая рисует ход второй троянской войны, спровоцированной похищением Елены. В версии УЦ 267 этот локальный сюжет развивается с эпической неторопливостью. Переработка текста в списке УЦ 66 привела к радикальному изменению характера сюжета: он обретает стремительность, все события осады Трои как бы нанизываются на единый стержень, которым становится трагическая судьба Ахиллеса. Это достигается, во-первых, сокращением ряда военных эпизодов, отвлекающих внимание от основной сюжетной линии, во-вторых, композиционной перестройкой текста, способствующей психологическому углублению сюжетных мотивировок и концентрации тематически близкого материала в одной точке повествования. Например, сюжетный эпизод, рассказывающий о сватовстве и гибели Ахиллеса, в списке УЦ 267 окруженный другим повествовательным материалом, освещающим перипетии осады Трои, в версии УЦ 66 выдвигается на первый план, подчиняет себе все основные события троянской войны до захвата Трои греками. Трагические поединки главных героев троянского и греческого войск (смерть Гектора от руки Ахиллеса, поединок Менелая с Парисом, смерть Троила) в списке УЦ 66 из начала рассказа о ходе осады Трои переносятся в середину локального сюжета о сватовстве и гибели Ахиллеса и становятся частью этого сюжета. Рассказ об осаде, таким образом, получает новую завязку: функция ее переносится на эпизод о сватовстве Ахиллеса к Поликсене, которому в сюжете списка УЦ 66 предшествует только короткий рассказ о высадке греков на троянском берегу и пер-

⁷⁸ Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке. С. 268.

⁷⁹ На это в свое время обратил внимание В. И. Малышев (см.: Малышев В. И. Усть-Цилямская обработка Повести о царевне Персике. С. 328).

⁸⁰ Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина. С. 248.

⁸¹ См.: Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний...

вых столкновениях их с троянцами, играющий роль экспозиции. Устранение Ахиллеса, ставшего тайным женихом Поликсены, с поля боя с последующим — трагическим для троянцев — возвращением его в строй (именно в этот момент осады, по сюжету УЦ 66, Ахиллес убивает сначала Гектора, а потом и Троила, в первой версии погибающего от руки Мемнона) создает в списке УЦ 66 более убедительную и психологически усиленную мотивировку вероломного замысла Париса завлечь Ахиллеса в город под предлогом женитьбы на Поликсене и из засады убить его. Это решение Париса в УЦ 66 рисуется как непосредственная реакция его на двойную утрату, только что понесенную троянцами, — смерть от руки Ахиллеса двух братьев Париса. Таким образом, описание их гибели во второй версии «Сказаний» сюжетно приближено к эпизоду ловушки для Ахиллеса, устроенной Парисом, и скорректировано с целью усилить вину Ахиллеса, который выступает здесь (в отличие от первой версии, но в соответствии с сюжетом Гвидо де Колумна) как убийца не только Гектора, но и Троила.

В развязке этого сюжета в УЦ 66, как и в первой версии, на первый план выдвинуты действия Пирра, мстящего за смерть отца. Однако в списке УЦ 66 и здесь обнаруживается перестройка текста на композиционном уровне. С одной стороны, сюда переносится рассказ об амазонках (в списке УЦ 267 он предшествует рассказу о возвращении в войско Ахиллеса), который сливается с повествованием о смерти их предводительницы от руки Пирра — героя этой части сюжета, с другой стороны, рассказы об убийстве Пирром троянского царя Приама и казни его дочери Поликсены, в первой версии произошедших до захвата Трои, в списке УЦ 66 сдвигаются в самый конец повествования, в финальную, наиболее трагическую часть сюжета, воссоздающую картину окончательной гибели города и всех его обитателей, включая еще оставшихся в живых членов царской семьи.⁸² Таким образом, композиционная перестройка текста во второй мяндинской редакции «Троянских сказаний» устранила некоторую «рыхлость» сюжета в списке УЦ 267, усилила сюжетные мотивировки и придала финалу больший трагизм.

Рассмотрение принципов сюжетно-композиционной переработки И. С. Мяндиным своей первоначальной версии повествования о взятии Трои подводит нас к еще одной важной проблеме, проявившейся на втором этапе изучения печорских редакций И. С. Мяндина, когда в руках ученых благодаря полевым и камеральным археографическим исследованиям печорской рукописной книжности оказались новые списки уже известных мяндинских переработок древнерусских текстов. Это поставило перед исследователями задачу их текстологического изучения: выявления степени их близости, установления хронологической последовательности их появления из-под пера печорского книжника, характеристики их идейно-художественных различий. Решение этих задач давало исследователям уникальную возможность заглянуть, хотя бы отчасти, в «творческую мастерскую» усть-цилемского редактора, проследить, как развивалась в его сознании сюжетная и идеологическая концепция произведения, выявить «механизм» освоения им «чужого» текста и превращения его в новое произведение, уже во многом оторвавшееся от своего источника, переосмысляющее и его идеи, и его сюжет.

Такого типа исследование впервые было проведено Е. К. Ромодановской на материале трех мяндинских списков Повести о гордом царе Аггее (ИРЛИ УЦ 67; УЦ н. 204; УЦ н. 368 — «Цветник»). Исследовательница убедительно по-

⁸² Художественный механизм проведенной редактором в этой части повести композиционной перестройки на материале повествования о судьбе Поликсены развернуто показан нами в указанной выше статье (см.: Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний... С. 402—403).

казала, что печорский книжник в своем овладении сюжетом древнерусской повести шел от незначительной редакторской работы, состоявшей в основном в сокращении текста источника, упрощении языка и целенаправленной разработке одного эпизода повести, по теме наиболее близкого его крестьянскому опыту, — через стилистическую отделку своей предшествующей редакции — к полному овладению сюжетом, композиционной перестройке текста и внедрению в него своих излюбленных идей — о царе, близком к народу, о необходимости честного труда, о покаянии как залого возвращения человека со дна жизни к нормальному бытию в прежнем социальном статусе.⁸³

Выводы исследовательницы, сделанные на основе списков Аггея, стали подтверждаться при обращении других исследователей к вновь выявленным спискам мяндинских переделок, уже исследованных ранее по одному списку. Так было, например, при новом обращении к Повести о царице Персике по списку, который стал доступен для изучения уже после выхода в свет статьи В. И. Малышева об этой переработке Мяндина, когда в Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ под № 368 влились привезенные из экспедиции Ленинградского университета полевые копии ряда повестей из мяндинских сборников — «Цветника» и «Торжественника». В составе последнего как раз и читался новый список «Персики». Наши наблюдения над текстом обоих мяндинских списков этой повести⁸⁴ полностью подтвердили выводы Е. К. Ромодановской, сделанные на материале Повести об Аггее. Исследование показало, что список УЦ 67 (исследованный В. И. Малышевым) и список «Торжественника» (Т) представляют собой разные варианты печорской редакции. Список Т отражает первый этап работы, на котором текст повести тщательно «прописан», во многом ориентируется на стиль и повествовательные приемы средневековых «душеполезных» повестей. Список УЦ 66, скорее всего, отражает процесс дальнейшей переработки повести, когда в руках у И. С. Мяндина мог появиться другой, ранее не известный ему список «Персики», имевший деление подзаголовками на четыре части. Следуя этому образцу, печорский книжник, возможно, захотел еще раз переписать повесть для другого сборника. В новой версии «Персики» ощутима тенденция к сокращению и упрощению текста и одновременно попытка оживить его, беллетризовать (замена прямой речью авторского повествования, введение разговорных оборотов речи, более свободное изложение сцены пира).⁸⁵ Сходные тенденции обнаруживаются и в повторных мяндинских списках некоторых новелл Великого Зерцала, переработанных усть-цилемским книжником.

Исследования мяндинских переработок, дошедших в нескольких списках, вскрыли еще одну особенность творческой работы И. С. Мяндина по переосмыслению сюжетов древнерусских повестей, которая на первом этапе изучения его литературного наследия еще в полной мере не осознавалась исследователями, поскольку внимание их было сосредоточено на выявлении существенных особенностей мяндинских редакций, отличающих созданный им текст от текста его источников. Стилистические же особенности разных мяндинских переработок не сопоставлялись и не рассматривались в совокупности. Когда же накопился достаточный сопоставительный материал, стал актуальным и этот уровень исследования.

Изучение всего комплекса известных к настоящему времени мяндинских переработок позволяет более глубоко охарактеризовать особенности художественного сознания печорского книжника. Дело в том, что в разных переработках

⁸³ См.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе... С. 216—226.

⁸⁴ Эта тема разрабатывалась с привлечением студентки-«цилемки» Г. В. Чупровой в рамках ее дипломной работы.

⁸⁵ См. подробнее: Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царице Персике. С. 20—25.

И. С. Мяндина прослеживаются совершенно разные, порой противоположные повествовательные тенденции, ориентирующиеся на совершенно разные идейно-эстетические системы. С одной стороны, в ряде мяндинских переделок отчетливо ощущается ориентация на поэтическую систему фольклора, атмосфера которого постоянно окружала усть-цилемского крестьянина.⁸⁶ С другой стороны, большое место в его идейно-эстетических установках занимали общехристианские идеи, сфокусированные в старообрядческой среде на эсхатологических и провиденциальных аспектах, на мысли о спасительной роли покаяния, которую усиленно развивал еще протопоп Аввакум в своем знаменитом «Житии».⁸⁷ И наконец, в ряде случаев в текстах мяндинских сочинений отчетливо проявились практическая сметка, логический ум, жизненная наблюдательность печорского крестьянина, которые вносили своеобразную «конкретизирующую тенденцию» в его повествование.

Чаще всего совместить столь разные тенденции в одном тексте печорскому книжнику было, по-видимому, трудно, и Мяндин, создавая несколько списков понравившейся ему повести, в каждом стремился реализовать одну. Покажем это на примере двух мяндинских списков Повести о купце Басарге.

В списке РНБ, НСРК, О.100 из собрания М. А. Яковлева (далее — Я) преобладает провиденциальная трактовка событий. Она сконцентрирована в эпизоде первоначальной беседы Басарги с сыном о предстоящем испытании загадками нечестивого царя. В этом эпизоде отрок (названный здесь Иоанном) рассматривает их спасение во время бури на море как проявление Божьего промысла, в который не входило (судя по тому, что отец и сын остались живы) губить их, а значит, делает вывод мудрый отрок, Бог не допустит их гибели и в ходе разгадывания загадок. С провиденциальной трактовкой сюжета согласуется в списке Я и эпизод самого загадывания и разгадывания загадок нечестивого царя. В этом варианте повести речи и требования отрока приводят царя-мучителя в состояние, близкое к безумию («яко обезумев»), в котором он и совершает абсурдный с точки зрения здравого смысла поступок — обменивается с отроком одеждой, передает ему царские регалии и уступает место на троне. Подтекст этого описания в свете предшествующих провиденциальных высказываний юного героя повести легко прочитывается: это Бог, в промысле которого — спасти христиан от несправедного царя-иноверца, царя «неистинной веры», затмил разум царя, чтобы он смог подчиниться требованию мудрого отрока и поменяться с ним местами и одеждой.

В другом своем списке Повести о Басарге — УЦ 66 — И. С. Мяндин реализует противоположную тенденцию: взамен провиденциальных мотивировок (которые здесь приглушены) он вводит мотивировки «реалистические» (отсутствующие в списке Я). В эпизоде загадывания загадок в списке УЦ 66 Мяндин пытается рационалистически объяснить алогичное поведение царя, несколько раз в разных выражениях подчеркивая, что царь не отнесся всерьез к словам отрока, а поначалу исполнял его требования, как бы вступив с ним в своеобразную игру, подшучивая над «детищем» («яко бы глумяся над ним»)⁸⁸.

⁸⁶ О фольклорной традиции Усть-Цильмы см.: В л а с о в А. Н. Сказители печорских старин // Вестн. Сыктывкарского ун-та: Науч. журнал. Сыктывкар, 1995. Сер. 8: История. Филология. Философия. Вып. 1. С. 89—95; К а н е в а Т. С. 1) Песенно-игровой фольклор Усть-Цилемского района Республики Коми: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1998; 2) Усть-цилемские предания об Иване // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 423—430.

⁸⁷ См. об этом в исследовании Н. С. Демковой, посвященном анализу сюжетной структуры «Жития»: Д е м к о в а Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974. С. 141—167.

⁸⁸ См. об этом подробнее: В о л к о в а Т. Ф. Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитрие Басарге С. 100—103.

Стремление к раскрытию провиденциального подтекста описываемых событий отчетливо ощущается и во второй мяндинской редакции Повести о царице и львице, что убедительно показала Т. Ф. Чалкова. В списке ИРЛИ УЦ 66, передающем текст этой редакции, сюжет обрастает большим количеством видений, которые открывают героям их отдаленное будущее, определенное Божьим промыслом, а также будущее ближайшее, готовя их к мужественному перенесению очередного испытания (явления Богородицы царице, пытающейся выжить в диком лесу) или подсказывая выход из тяжелой жизненной ситуации (видение царю во время молитвы в церкви, в котором ему открывается будущий спаситель страны от врагов — один из сыновей царицы).⁸⁹

Тенденция к реализации разных стилистических интерпретаций сюжета в разных списках одного и того же переработанного сочинения ощущается и в мяндинских версиях «Троянских сказаний». В списке первой мяндинской редакции (УЦ 267) прослеживается, как отметил еще О. В. Творогов,⁹⁰ тенденция к эпическому (сказочному и былинному) осмыслению сюжета. Об этом свидетельствуют и отдельные образы («заповедный меч» Язона, с помощью которого он победил драконов, перстень-талисман, помогший ему вскрыть сундук с «сокровищем», и др.), и ощущающееся в этом списке стремление к поэтизации героических качеств личности, и абстрагирующая тенденция (например, о месте, где хранится золотое руно, говорится по-сказочному неопределенно — «в некоей стране», а само золотое руно характеризуется как «сокровище некое пребогатое»). Совсем иная повествовательная тенденция обнаруживается во второй мяндинской редакции «Троянских сказаний» (список УЦ 66). Здесь И. С. Мяндин стремится к конкретности и точности: обозначены и время действия («во времена царей израильских»), и страна золотого руна — Колхида, и даже количество драконов, его охраняющих («охраняемое двумя лютыми драконами»), и т. д.⁹¹

Ориентация на поэтику фольклора ощущается и в других переработках И. С. Мяндина, дошедших в одном списке. Так, сопоставление мяндинской редакции Повести о Тимофее Владимирском с ранее сложившимися ее редакциями показывает целенаправленную работу печорского книжника над сюжетом источника, приведшую к иной расстановке в сюжете смысловых акцентов. Тема внезапно обретенного бедным пленником богатства постепенно выдвигается в печорском списке на первый план, несколько отодвигая главную тему первоначального текста — тему неожиданного раскаяния закоренелого грешника и чудесного прощения его грехов Богом. В завершающем повесть эпилоге печорского списка эта тенденция побеждает, и тема земной награды за духовный подвиг отрока получает оригинальное развитие. Печорский книжник в соответствии со сказочной традицией дорабатывает краткое сообщение первоначальной редакции о получении отроком в виде награды от князя и митрополита земельного надела, приводя описание дальнейшей счастливой жизни героя: великий князь женит его на «добродетельной» девице, отрок заводит себе дом «близ Москвы» и проживает в нем «в щастии и богатствѣ», помяная Тимофея по его завещанию.⁹²

В завершение нашего обзора остановимся еще на одной проблеме, к которой подошло в настоящее время исследование литературного наследия И. С. Мяндина. Это задача установления хронологической последовательности появле-

⁸⁹ См.: Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина. С. 237.

⁹⁰ Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников. С. 233.

⁹¹ См.: Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний... С. 404—405.

⁹² См.: Волкова Т. Ф. Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И. С. Мяндина. С. 13—15.

ния из-под пера Мяндина его литературных переработок. Возможность хотя бы частичного решения этой сложной проблемы (мяндинские сборники, как правило, датируются только в пределах нескольких десятилетий) все же существует. В ходе изучения мяндинских обработок, дошедших в нескольких списках, которые были включены И. С. Мяндиным в состав различных по своему содержанию сборников, обнаружилось стремление печорского книжника помещать под одним переплетом несколько произведений, отражающих один и тот же подход редактора к тексту источника, одну и ту же стадию освоения перерабатываемого произведения. Эта тенденция ощущается, например, в таких сборниках, как ИРЛИ УЦ 267, содержащий хронографические по своему происхождению повести о ветхозаветных и новозаветных событиях, о героях древности, и РНБ, НСРК, О.100, включающий целую подборку сказаний на библейские сюжеты и первичные мяндинские редакции ряда повестей — о царице и львице, о Басарге, о посаднике Шиле. Однако при изучении других мяндинских сборников (таких как ИРЛИ УЦ 66, УЦ 67) картина оказывается намного сложнее. По нашим предварительным наблюдениям, в эти сборники включены повести, отражающие разные этапы освоения И. С. Мяндиным своих литературных источников: под одним переплетом в них оказываются повести, отражающие как начальную фазу освоения печорским книжником «чужого» текста, так и «зрелые» редакции, в которых ощущается уже определенная свобода в обращении с материалом источника. Однако решение хронологической проблемы появления мяндинских переработок еще далеко впереди, так как оно требует полной исследованности всех текстов, входящих в мяндинские сборники, в то время как к настоящему моменту исследованы, да и то иногда не в полной мере, лишь некоторые из них.

Приведенные в данной статье (далеко не в полном объеме!) результаты многочисленных исследований созданных И. С. Мяндиным редакций старинных повестей, житий и поучений показывают, что печорская рукописная традиция донесла до нас литературное явление значительного для народной, демократической культуры масштаба. Печорский книжник И. С. Мяндин, судя по усвоенному им и своеобразно переработанному значительному пласту средневековой письменности, обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов, любознательностью и стремлением донести до своих земляков — основных читателей его произведений — не только важнейшие христианские идеи, насыщавшие духовное бытие печорских крестьян-старообрядцев, заброшенных историческими катаклизмами в далекий северный край, но и почерпнутые в рукописных повестях об экзотических странах и героях простые человеческие истины о правильных, достойных отношениях в семье и более широких человеческих сообществах, помогавшие преодолевать низменные проявления человеческой природы — зависть, лень, неблагодарность, недоверие, ревность, сварливость, дававшие примеры всепобеждающего терпения и смирения, всегда вознаграждаемых Богом. Дальнейшее изучение печорских рукописных сборников, содержащих переписанные И. С. Мяндиным произведения древнерусской литературы и старообрядческой публицистики, позволит уточнить приведенные в данном обзоре оценки и характеристики редакторской и писательской деятельности замечательного печорского книжника.

В Приложении к статье мы публикуем три до сих пор не изданных списка первоначальных мяндинских редакций повестей о царице и львице, о Басарге и царевне Персике, а также мяндинские списки двух малоизученных средневековых произведений — Жития Антония Римлянина и апокрифического «Макария в видениях», включенных И. С. Мяндиным в его «Торжественник», что, надеюсь, привлечет к ним внимание исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

Сказание повѣсти о чудеси, како невинная добродѣтель чудесно спасеся л. 26
от оболгания и зависти

Бысть в Пеластинских странах в нѣкоемъ градѣ велицѣмъ царь благочестивъ и славен зѣло, имѣя у себѣ матеръ, и поимъ себѣ жену благочестиву и добронравну, и бяше бо образомъ лѣпа зѣло, и вельми любляше ю царь. Живущи оба вкупѣ в страсть Божии по закону.

Злокозненный же диявол // вложи в сердце матери царева злую зависть на царицу, невѣску свою, зане зѣло любляше ея царь за добродѣтель и красоту ея. И бяше почитаема от царя и от прочих вельможъ и боляръ. Мати же царева зѣло ненавидяше ея и мысляше в умѣ, како бы ю погубити, и немало о томъ печашеся вельми. л. 26 об.

По времени же благочестивая та царица разрѣшися от бремени и роди два сына близнеца. Царь же о семъ бысть зѣло радостенъ рождения ради чадъ своих. // И воставъ, иде в церковь Божию с вельможи своими. И нача молебная совершати Господеви о благочестии и здравии своемъ и о здравии чадъ своихъ и благочестивѣй царицѣ. л. 27

Мати же царева по научению вражию обрѣте время подобно злобѣ своей, да наведеть на царицу пагубу. И призва от палаты царева мужа нѣкоего добрододна тѣломъ и красна, рече ему с ласканиемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ воздамъ ти честь велию и сподоблю тя // великому сану, токмо сохрани тайну и заповѣдь крѣпце». Онъ же рече ей: «Что есть, госпоже царице, хотѣние твое?». Она же рече ему: «Иди нынѣ ты в палату к царицы, идѣже нынѣ почиваетъ, и возлежи с нею на одрѣ». Онъ же рече ей: «Не могу сего не токмо сотворити, но и помыслити на таковое злое дѣло, и аще царь увѣсть, всяко убити мя имать». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай мене, и азъ избавлю тя от руки царева, и не сотворитъ ти никакого зла». Онъ же // весьма отрицашеся и не хотя сотворити такового зла дѣла. Она же, лукавая ехидна^а, вельми нудящи его и прещаше смертию. «Аще не сотвориши, — рече, — тако, то многи муки наложу, и жития гонзеши». Онъ же по многомъ отрицании, убояся мукъ и прещения, абие склонися похотѣнию ея. Она же отведе его в полату к царицѣ, предстоящимъ же девамъ повелѣ отступити и заповѣда не глаголати о семъ, прещаше муками. И абие откры занавѣсъ в опочивалнѣ, гдѣ царица послѣ // утомления при рождении младенецъ спаше крѣпко, нѣ вѣдый ничто же. Мати же царева повелѣ ему возлежи к царицы на одрѣ без гашъ. л. 27 об.

И абие лукавая та змяя скоро потече из полаты и иде в церковь, и возгласи необычно к царю, сыну своему, рече: «Что ты, сыну мой благочестивый царю, радуешися и веселишия вотще о рождении чадъ своихъ и молебная совершаеши, не вѣси ли, что лукавая и лъстивая прелюбодѣица царица творить: возлежитъ бо с рабомъ // на одрѣ и прелюбодѣиствуетъ, якоже обычай творити преле, а оныя младенцы не твоего зачатия, но от инаго любодѣица ея, иже на одрѣ почиваетъ с нею, тебѣ ругаются. Ты же, яко простоумень сый, не вѣдый лукавства ея, иже по вся дни тебѣ лъститъ, мня ей вѣрну сушу, матеръ же мене свою презираеши. И аще хошеши вправду глаголы моя увѣдати, иди скоро в ложницу и виждь лукавыя твоя жены дѣло, како ругается державѣ твоей». л. 28 об.

^а Дописано на поле.

- 1 29 об. Царь же, слышав // сия словеса от матере своя, в недоумѣнии бѣвъ и не дождався конца^б молебнаго пѣнія, и скоро поиде из церкви и з ближними своими. И прииде внезапно к своей царицы в палату, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща без гашѣ. И наполнився ярости, и удари его мечем в сердце, и пронзе; рабъ же вельми возревѣ и умре. Царица же ничто же вѣдяше, спаше, и абие вскочи во ужасѣ велицѣ. И аще возможно бы было в землю скрытися от страха того!
- 1 30 И повелѣ царь ей // воврещи в темницу и с чады ея. И многое время пребывши ей в темницы, блюдома твердо и питаема нужною пищею.

Царь же от полатъ изыде, во мнозѣй печали и стразѣ бѣвъ, и размышляше в себѣ, чесо ради сотвори такое зло дѣло и изменение царица к нему. И по мнозѣ размышлении повелѣ призвати нѣкоторыя от боярь своих и рече к нимъ: «Что подобаетъ сотворити мнѣ с царицею, яко такому срамоту наведе державѣ моей?». Они же ничтоже // смѣяху рещи какова-либо зла, вѣдуше ея добронравие, но точно рѣша ко царю: «Сердце бо твое в руцѣ Божии есть, яко же бо той изволить, тако и будетъ».

По прехождении же нѣкоего времени повелѣ царь изыти внѣ града на нѣкое пространное мѣсто и тамо повѣлѣ поставити престолѣ царю же и властемъ сѣдалища. И повелѣ созвати вся вельможи и жители града того, а самъ изыде вооруженъ. И царь сѣде на уготованиѣмъ престолѣ. Тако же и властем повелѣ // сѣсти, и бывшу молчанию.

И возгласи царь всему собранию народному и рече: «Се нынѣ судите мене с царицею моею, ибо велие зло сотвори, и рцыте, что подобаетъ сотворити». Власти же и вельможи и вси предстоящи единогласно рекоша: «Божия воля да будетъ и твоя, о царю, яко же вѣси и хоцещи. Мы же како можемъ, раби, судити господий своихъ». Тогда царь повелѣ ту уготовати огонь велий. И приведоша и царицу ис темницы и с чады ея.

- 1 31 об. Царица же, идуши, моляшеся к // Богу и глаголаше: «Создателю мой Господи, ты вѣси, яже суть о мнѣ, яко ничто же согрѣшила, о немъже есмь осуждена. Помилуй мя, владыко, по милости щедротѣ твоихъ и ради незлабивихъ сихъ младенецъ, вѣси бо яко царстии сынове суть, а не любодѣйчии, и нѣ вѣм, откуда найде напасть сия на мя и на любимаго мною государя, клеветы ради и зависти злыхъ». И паки глаголаше: «О всемилостивая владычице госпоже Дево, мати Бога всѣхъ! Ты вѣси, госпоже моя, яко николи же осквернихъ дѣвства, ни бра//ка царьскаго обезчестихъ; нынѣ же, что приключися, не вѣмъ, точно се вѣм, яко неповинна есмь. Сего ради молю тя, госпоже, помилуй мя в часъ сий, ибо не вѣмъ, к кому иному прибѣгнуги развѣ тебѣ».

И егда приведоша царицу близъ царя вельми плачущую, она же, яко узрѣ царя, сѣдяща и абие поимши оба младенца своя на обою руку и поверже пред ногама царя младенца, и рече со многими слезами и с горкимъ рыданиемъ, сице глаголя: «Владыко мой царю, помилуй мя, много прогнѣ//вавшую^в тебѣ, ради пречистыя ти матере пресвятыя Богородицы и сихъ незлабивыхъ младенецъ и мене, ничто же такое согрѣшившую, яко же мниши, но оклеветана есть от злыхъ людей. Богъ в томъ свидѣтель, яко не вѣмъ, откуда напасть сия на мя прииде и се погибаю».

Сия и иная многая изрече со слезами. И царь начать умягчатися, но обаче еще гнѣваяся на ню и абие отложи на царицу огненный приговоръ, но повелѣ царицу в темной карѣтѣ отвести в далыний лѣсъ // и с чады ея, да яко заблудивше, от глада и жажды скорою смертию умереть. Отвезенъ же бывши царицѣ в пустыню, без пищи и воды и всякаго покрова оставленъ.

И абие ощути себѣ едину в пустѣ мѣстѣ без всякой помощи. И падъ на землю, и начат плакатися горко и молитися, сице глаголя: «О всемилостивая царица не-

^б Дописано на поле. ^в В ркп. прогнѣгнѣвавшую, повтор слога на границе листов.

бесная, госпоже пречистая дево Богородице мати, християнская надежда и заступница, безпомощнымъ помощь, и безнадежнымъ надежда, и скорбящимъ радость! // Помилуй мя, владычице, и от напрасныя смерти избави, от усть звѣрей ядовитыхъ и от глада и жажды и от напрасныя смерти свободы мя ради милости твоея и сихъ незлобивихъ младенецъ». Сия и ина многа изрече с великою горестию и плачемъ и от многого труда и плача усну и видѣ во снѣ всѣхъ царицу и владычицу, пришедшую к ней.

И тихимъ гласомъ рече ей: «Утѣшися, рабо моя царице, и не сътуй. Азъ есмь с тобою, понеже малое время потрудися нынѣ и паки в первую честь возвратишися, завистницы же // твои скоро погибнут, но вѣдомо буди ти, царице, яко еще напасть приключится тебѣ. Ты же уповай на Бога жива — той не имать тя оставити».

Царица же возбнувъ от сна и никого же видѣ, обаче же благодаря Бога и владычицу госпожу и Богородицу за посѣщение и многое милосердие ея. И помышляше в себѣ: «Кая напасть более сей будетъ, но обаче воля Божия да будетъ». И абие нача собирати былие пустынное на пищу себѣ и водворися при источницѣ и сотвори от ветвей для младенецъ малъ покровъ. // И тако пребысть немалое время, терпя пустынную нужду и недостатокъ. По времени же нѣкоемъ мало утѣшився от печали, питашеся былии и ягодиции пустынными и воду от источника пияше.

Нѣкогда убо ходящу ей по пустыни, несущу оба отрочата на руцѣ своею. И видѣ вдальѣ мѣсто ягодично и восхотѣ преити и не возможе с обоими отрочаты. И тако посади едино дѣтище на мѣстѣ, другое же взем и иде на то мѣсто, идѣже видѣ ягодиchie оно. // И егда возвратися к первому отрочати и не обрѣт его. И мало озираея сѣмо и онамо ¹с жалостию¹. И абие узрѣ лва страшна, несуща на плещу отроча свое, и от страха паде на землю, плачася вельми, яко не мощи болѣе плакати. И от печали и плача великаго ничтоже вкуси многия дни.

И потомъ воспомяну явление оно пречистыя Богоматери и утѣшився мало, точию о дѣтищи весма скорбяше. И тако царицѣ пребывающу якоже и первие и собирающу былие.

И абие узрѣ на // нѣкоемъ мѣстѣ вертеп и на устьи вертепа львицу ону лежащу и своима сосцами питающу отроча. И яко узрѣ се царица чюдное видѣние и не мняше, яко не ея отроча есть, но той самый. И потече скоро с радостию в ту страну, идѣже львица. И яко приде близъ ея, отложи боязнъ и начать глаголати: «О звѣрю, отдаждь ми отроча мое, ибо тебѣ в чужемъ дитищѣ² нѣсть никоея же пользы, отдай же ми е, яко да поне мало утѣшуся от слезъ».

Львица же яко вѣдяше царицу весьма // утрудившуся и со единѣм отрочатемъ и яко хотя ей мало соболѣзновати в пропитании отрочати. И абие скоро воста и отиде отгуду, взем же и отроча оно на плечу. Царица же яко узрѣ сие, весьма удивися и оттоль не бояшеся за отроча, яко снѣсти звѣрю дѣтище ея, но примѣ во умѣ, яко львица сия Богомъ послана есть на прекормление отрочате. И тако возвратися на первое мѣсто к другому отрочати. И поживе еще немалое время в пустыни, // дондеже сушций с нею отроча возрасте.

Единою же ходящя царицѣ со отрочатемъ по пустыни и обрѣте стезю малу, мняше на ину страну, идѣже обыче собирати былия. Идущу же ей по стези оной и абие узрѣ градъ нѣкий многолюденъ и великъ. И прослави Бога и пречистую Богородицу, обаче же имѣяше велико сумнѣние, — еже бы како да не познана будетъ и възвѣстятъ о нихъ цареви и впадетъ в бѣду. Обаче возложи упование на Бога и тако вниде во град // ношию. И приде к нѣкоей вдовѣ убогой, и испроси себѣ мало нѣкое покоище, и водворися ту. И начать питатися рукодѣлиемъ, бѣ бо хитро умѣяше творити драгия ковры и утвари на украшение женамъ.

¹ Г Дописано на поле. ² Написано на поле.

Вдовица же вопрошаше царицу: «Откуда ты, любезная незнакомка, ко мнѣ прииде и коего городу или страны и коих родителей дщи?». Она же «странну нѣкоему граду и нѣзнаему, — рече, — моему отечеству, и вдана бысть за единого от великих, и ходящу ми по воли его. // Но врагъ смути жизнь нашу по зависти и мене остави в пустыни заблудитися, но Богъ милостивый не изволи безвре-
 л 37 об мено умерети». Сия и ина многая изрече, но имя супруга и отечество не сказа, но точию вопросы вдовицу ону: «А здѣ кий царь во градъ семь?». Вдовица же рече: «Онъ сица царь есмь и онъ сица бысть, ему супруга царица честна и благочестива, но по зависти матери царицы погублена бысть с двумя отрочаты. Царь же и
 л 38 до нынѣ плачется ея ради и отрочать // своихъ». Царица же се слышавши, удивися, яко предсказания пречистѣй Богородицы збываются, ибо позна, яко сей царь сопругъ есть, но обаче ни что же до времени не глагола, уповая, яко Господь, имиже вѣсть судбами, совокупить паки. И тако царицѣ живуци у вдовицѣ оной во всякомъ цѣломудрии и чистотѣ, дондеже возмужа сынъ ея и бысть воинъ храбръ зѣло, яко мужество и храбрость его явлена бысть всему граду. И вси
 л 38 об дивляхуся, глаголаху^с, яко сей будетъ // на враговъ ратоборецъ, еже и бысть.

В то же время воеваху иноплеменицы на градъ той, идѣже царица пребываше. И царь бусормановъ проша ратоборца, еже бы кто возмогъ единъ братися с нимъ. Бѣ бо царь той великъ тѣломъ и храбръ вельми. И войска с нимъ многое множество. Егда же услыша царь благочестивый се, зѣло оскорбися и созва на совѣтъ к себѣ в палату князей и болярь и вся властели града. И вопросы ихъ, гла-
 л 39 голя: «О, властели // мои, князи же и боляре и вси военачальници! Се наидоша на ны бусормане, просяще поединьшика, претяще множеством войскъ своихъ, гордящесе восхитити градъ сей. Мы же маломощни суще, не имамы, како братися с ними, ибо единоборца не имамы, ни войска многа. Да что хошемъ сотворити, повѣдите ми». Вельможи же и властели рѣша: «Прежде подобаетъ ти, о царю, испросити помощи и совѣту от вышняго престола, аще Богъ и пречистая Бо-
 л 39 об городица ти // поможетъ, всяко укажетъ и помощь свою».

Тогда царь прииде в чювство и воспомяну, еже содѣя на царицѣ своей сопрузѣ неправду, и «аще бы, — рече, — чрезъ 20 лѣтъ были обои чада воспитаны при моемъ царствии, азъ не имѣлъ бы опасения от враговъ». И абие поиде в церковь и начатъ молитися со слезами пред образом пречистыя Богородицы, сице глаголя: «О госпоже пречистая мати Бога нашего, пресвятая Марие, владычице и заступнице, умилосердися о градъ семь и прости ми, яке содѣяхъ злая». //
 л 40 И ина многая изрече царь со многим умилением. Богъ же точию услыша раскаяние царево, абие скоро посла ему свою помощь. Царю же молящуся в церкви и сномъ одержим бысть, и абие зреть жену нѣкую пришедшу, ризами свѣтлыми блестящуся. И рече к царю: «Скоро пошли избранныхъ своихъ витязѣй во ону^{*} часть града и обрящещи у вдовы оной живуци странну нѣкую жену с сыномъ ея. И взявши сына с матерію, учени наслѣдникомъ своему царствию, онъ бо свободитъ // не точию градъ сей от нашествия враговъ, но и тебѣ от долговременной скорби избавитъ».

Царь же воспряну от сна, зѣло бысть радостень, и абие посла избранных витязей на колесницахъ прекрасныхъ в ту часть города, и обрѣтоша юношу прекрасна и возрастом велика и мужествена с матерію. И вопросиша имени и звания или коего града. Онъ же странна себѣ именована и незнаема. Они же сказаша ему волю царицы, яко царь усыновити хошетъ. Юноша же и мати его, сия слышаша, к посланнымъ // рѣша: «Воля Господня да будетъ». И абие приидоша к царю.

Царь же далече учени срѣтение имъ с боляры своими. И сотвори имъ честь велию и яко свою сопружницу и сына почти ихъ и учени наслѣдника царствию

^с Написано над строкой. * Переделано у изъ.

своему. Юноша же онъ не вѣдый, яко царь оный отецъ есть, но царица истинно позна, яко бывый доселѣ сопругъ есть, но не явися до времени. Царь же не позна. Како бо можно познати увядши мало лица от скорби и долговременнаго странствия, но точию почитая ю по ука//занию и откровению Божию, хотящих ^{л. 41 об} избавити градъ от супостатъ, а о царицѣ своей и в мысли не держаше, яко жива есть.

По учинении же почести и усыновления нача царь юношу онаго молити, еже бы ему облещися в воинскую одежду и вооружитися оружиемъ и с помощью Бога изыти противо враговъ, дая ему и войска в отмщение, елико требуетъ. Юноша же онъ и наслѣдникъ царевъ, яко услыша моление цареву, абие скоро повелѣ ^{л. 42} собрати войска 3000, а 300 избранныхъ витязѣй // и от тѣхъ избра точию 15 мужей. Прочимъ же повелѣ стрещи градъ. Самъ же с 5-ю мужи иде пѣшъ, а 10-ю повелѣ привести избранныхъ конѣй во всей воинской збруе и доспѣхахъ. И пока еще не сѣде на конь, иде в церковь и довольно помолися и прият благословение от епископа. И тако всѣдъ на коня и, яко стрѣла от очию пятию мужей скрыся. И срѣте бусорманъ недалече от града.

Царь же и вельможи и вси военачальници не успѣша разсмотрѣти выезда его. // И к большому удивлению узрѣша внезапно вмѣсто одного выехавшаго ^{л. 42 об} юноши и храбро сѣкуща враги еще другаго, подобна ему и такъ же с яростию нападша на бусормановъ, и с нимъ неотлучно лвица нѣкая, иже и та многихъ уязвляя, убивише³.

Юноша же первый, иже и наслѣдникъ именованный царю, в то время сразився с бусорманскимъ царемъ и уби его, не "чая и не" замѣтя себѣ помощь ни откуду, нападе на войско бусормановъ и абие узрѣ подобна себѣ витязя с яростию // ^{л. 43} побивающа бусорманы, и лвицу за нимъ уязвляющую враги, удивися и нѣ зная, откуду таковая дивная помощь ему бысть. И сего ради больма нача ратовати враги и яко в малое время не оста ни единъ. И тако чюднии они юноши избиша храбростию своею несчетное число бусормановъ. Плѣнники же и корысти вручиша войску царьскому.

И тако по дивнѣй онѣй побѣдѣ совокупишася оба хребреца и лвица с ними неотлучно. И егда другъ друга проздравиша с побѣдою, // тогда начаша вопрошати другъ друга, кто и коя страны, и коихъ родителей, и како обрѣтесе здѣ. ^{л. 43 об} Юноша же онъ второй нача первие повѣдати сице: «Азъ, друже мой и брате, не вѣмъ, коя страны или родителей коихъ есмь, но се точию вѣмъ, яко мы с материю живше в пустомъ мѣстѣ и з другимъ братомъ. И не вѣмъ, како мати наша мене остави на мѣстѣ, сама же поиде до нѣкоего мѣста, и во время хождения ея сия лвица мене похити и унесе, и воскорми своими // сосцами, хотя мати моя послѣ ^{л. 44} и найде мене [у л]вицы^к сей, но она паки унесла далѣе в пустыню. И оттолѣ болѣе азъ не видѣхъ никого от человек. Точию нѣсколько послѣ ловцы увидя у спящей лвицѣ меня сѣдяща и восхитиша, хотѣша же и лвицу ону убити, но азъ едва умоли ихъ оставити ю живу. Ловцы же точию отнесоша мене от нея и приводоша в свою весь, абие лвица она, спохватившись, скоро прибѣже в ту весь и обтече вся домове // и прочая здания. Людие же, сие видѣвши, зѣло ужасошася. ^{л. 44 об} И абие по совѣту дружины ловцы оныя выведше мене к лвицѣ сей, боящася, да не в бѣду впадутъ. Како узрѣ, абие прибѣже ко мнѣ, с радостию лизаше и ласкалася. И оттолѣ неразлучнѣ со мною пребысть: гдѣ бы мнѣ нѣ быти, лвица же вездѣ меня сохраняше, аки чадолюбивая мати. И тако и до возраста азъ в той веси питаемъ быхъ ловцы оными, и лвица со мною всегда.

И егда // ^{л. 45} прииде царь бусорманский с поганою своей сволочью, тогда услышалъ я клик на поединокъ и на посланныя грамоты царя благочестиваго собра-

³ Так в ркп. ^к И дописано над строкой. ^к Предлог у и начало слова лвицы сейчас не читаются в ркп. из-за механического повреждения листа в этом месте.

ти избранныхъ витязѣй в помощь наслѣднику цареву такъ разгорѣлся сердцемъ, быть хотя бы в числѣ витязѣй и за нѣвыборкою коня мнѣ в скором времени я отправился тогда уже, егда вси витязи были избраны и сражение началось. Тогда-то я и поспѣлъ какъ разъ к вамъ в помощь. И ежели вамъ, милый другъ и брат, // — прибавиль онъ, — не противно, прошу принять мои услуги и вѣстно учинить царю».

Юноша же и наслѣдникъ царьскій с радостию общася предложить царю, наипаче же из повѣсти его позна его роднаго брата, обаче не являя до времени. Самъ же внутренно радовался о обрѣтении его, точию не знаяше, чии они сынове. Также и оному сказа свою историю другимъ образом. В таковѣй ихъ сладчѣй бесѣдѣ не замѣтиша, како путь ихъ скоро мину, дондеже // нечаянно узрѣша царя и вси вельможи с нимъ, едущихъ всрѣтение имъ.

Царь же проздрави обою витязю с побѣдою и одаривъ имъ по званию и чести многими дары. И тако въехаша вси во градъ и внидоша в царстии палаты. Тутъ учении пиръ зѣло велий и веселящуся о побѣдѣ. Посемъ егда довольно царю обвеселившуся с своими боляры и вновь именованными наслѣдниками — оными храбрыми витязями и материю ихъ, тогда царь нача часто взирати // на оныя юноша и мать ихъ и мнѣти, яко подобны вси трие другъ другу, и вспоминая же своя чада и супругу, начать мыслию больма простиратися и сердечно горѣти, да испытаетъ их в присудствии властелей и народа. И тако повелѣ народу собратися на уреченнѣмъ мѣстѣ, идѣже первие царицу хотя сожещи с чады ея. Тогда царь изыде со всѣми вельможи и^п юноши оными с материю ихъ. И сѣдшу царю на уготованнѣмъ престолѣ, таже единому юноши повелѣ // сѣсти подлѣ себя яко наслѣднику цареву и другому такжеже яко меньшему сыну цареву, и царицѣ поодальѣ яко матери наслѣдника царева. Таже и прочимъ по чину.

По семъ рече царь ко всѣмъ велегласно: «О, добропобѣднии юноши ^ии честнѣйшии в женахъ^и, и вы вси христоролюбивии народи, помните ли егда впреди 20 лѣтѣхъ здѣ бысть неправедный судъ по злобѣ и зависти, нынѣ же вмѣсто толикаго зла сотворимъ воздаяние». И абие обратися царь к юношамъ и рече: «Егда милостивый Богъ благоизволи создание свое // воедино совокупити неизреченными своими судьбами, и того ради подобаетъ вамъ повѣдати без боязни, о драгия чада, свои происшества, кто вы еста и кто ваши родители, и коего града».

Егда же се царь изрече во услышание всѣмъ, и бывшу безмолвию, начать первый повѣдати сице: «Азъ, о вседержавный царю, града или страны коея, не вѣмъ, точию се единою вѣмъ, яко мы с младшимъ мнѣ братомъ с материю имѣли ^и жительство в пустомъ мѣстѣ // питающеся былиемъ и травою. Во единъ от дний матери наша восхотѣ собрати ягодиция на друзѣй странѣ потока, мене же возьмъ, а брата другаго остави на мѣстѣ. Егда же возвратися и не обрѣтъ его, вельми оскорбися, послѣди же узрѣ носима львицею. И бысть в печали велицѣ и потомъ паки узрѣ у львицѣ питающися сосцами и хотѣхъ взяти у ней. Львица же разумѣ сие, отиде и к тому более не явися нам.

По нѣкоемъ же времени, // егда же восхотѣ Господь трудъ матери нашей облегчити, изведе из пустыни сей сицевымъ образом: вниде матери моя одныжды^о в пустыню далѣе и обрѣте нѣкую стезю. И егда проидоша стезею мало пути, и абие показася сий градъ, и мы прославихом Бога и пречистую Богородицу, которая матери моея неоднократно являшеся^и и укрѣпляючи не скорбѣти. Вниде азъ в первый градъ и видѣ строения и люди, ^рв первый разъ^с мнѣ показашася ^и весьма странными, дотуль, пока я // не привыкъ чрезъ многое. И в то время вдова убогая сжалилась над нами, и мы дотолѣ проживали у ней, дондеже его царьской милости угодно было над нами учинить свою милость».

^п В ркп. и повторено дважды. ^и Нapisано на поле. ^о Так в ркп. ^и Первые две буквы переданы из букв мо. ^р ^с Napisано на поле.

Таже нача и другий свою историю — от лъвицы и до конца сражения с неприятелемъ. По сем царь с нетерпѣниемъ повелѣ и царицѣ разсказати повѣсть. Царица же уразумѣ из повѣсти другаго юноши, яко и той сынъ ея есть, помяну явление Богородицы яко воистину збышася предсказания, тогда // абие воста от своего сѣдалища и небоязнено нача повѣдати: «Азъ рождение и воспитание имѣх от онъ сица града, совокупихся браку за он сицу царя добронравна и благочестива, иже и пребысть у него во всякой любви, и почитаема бѣхъ всѣм народом. Позавидѣ же моему благополучию врагъ дияволъ, вложи злую ненависть матери цареви на мене, и много времени искаше подобна времени, да исполнить свою ненависть, еже и сотвори. Егда же ощути мене // разрѣшившуюся от бремени и почивающую от трудовъ, подкупи одного из рабов, пачеже понуди согласитися лечь ко мнѣ в постель. Сама же иде скорѣе и возвѣсти царю, сыну своему, бывшу в церкви, и егда доиде и видѣ сие неслыханное дѣло, абие царь мечем своим тутъже бѣднаго слугу и жизни лиши. Царицу же в темницу заключи и с чады ея. Посем уготови огонь, хотя сожещи и со младенцы, но Богъ вложи жалость нѣкую, и повелѣ отвести в пустыню и с чады ея, да голодом // умереть.

Ощутивши же я себя одну с малыми отрочатами в темномъ лѣсу, такъ начала печалию сокрушатися, едва ни лишилась жизни. И лучьше бы мнѣ принять смерть¹ с чады моими, огнемъ сожжену быти, нежели в такомъ неизвѣстномъ мѣстѣ пребывати, или скоро от глада умерети или звѣрьми сиедены. И в таковѣй печали, аще не бы милостивый Господь извѣсти мене и пречистая Богородица, никакоже ми получитьи крѣпость и жизнь.

Послѣ таковаго посѣ//щения Божия я жительствовала без печали, потому что на каждомъ шагу по прехождении моемъ я находила себѣ пищу и воду дотуль, пока лъвица похитила одного изъ моихъ отрочищъ, чего из истории обоихъ юношей извѣстно. Но при видѣ сего града, — приговорила царица, — я такъ испугалась, что едва согласилась внити в него, боясь, да не познана буду и я злою смертию умру и отрокъ мой со мною. Но обаче уповая на обѣщания пречистыя Богородицы, шла без // боязни. И в первую попавшую худую хижу² я постучалась, насъ отказали, такъже и к другой подошли и очнонь прилѣжно просили себѣ ночнаго покоя, но и тутъ не имѣли входа. Уже вечеру глубоку сущу, и мы расположились ночь препроводить под открытымъ небомъ к весьма ветхому дому. И точию приютились, абие прииде к намъ убогая жена и вопросы: „Что ради здѣ хотите опочити? Или мало живущихъ и могущихъ покоити страныя, пече же васъ?“ //

Тогда с радостию воставши и поклонились женѣ оной и разсказавъ о приключении при входѣ. Сие слышавъ, оная жена введе насъ в свой домъ и предложи трапезу и упокои насъ, у которой и дотуль проживали, пока Господь соблаговоли с нами сотворити милость свою, паче же помиловати свое создание».

Царь же, видя из всего расказа царицына и обоихъ юношей, позна быти ей сопружницѣ и царицѣ, скоро воста от престола своего и абие с радостию облобыза царицу // и оба юноша, сыны своя, и прошаше у царицѣ прошение. Такоевое содѣваемое чудодѣйствие видѣвши, присутствующи славяще Бога и пречистую Богородицу.

Тогда царь паки взыде на престоль, повелѣ же царицѣ сѣсти одесную себѣ. Также и обоимъ царевичамъ и прочим по чину. И абие возгласи всѣмъ во услышание: «Что подобаетъ за сие злое дѣло сотворити и кий судъ нанести матери моей?». Они же рекоша: «Самъ вѣси, о царю, что творити». Тогда царь повелѣ мать свою отвести в пустое мѣсто, // да такуюю же муку приметъ. Отвезенъ же бывши царицѣ матери, и еще не отидоша и пяти лакоть везущи³, лъвица, воспитавшая сына царева, ниоткуда устремившися на мать цареву скорымъ

¹ Дописано на поле. ² Дописано на поле. ³ Дописано на поле.

бѣжаниемъ и абие растерза ю на части. Таже и другий звѣрь с зѣльнымъ рыканиемъ похвати трупъ ея, и друзии мнози такоже нѣоткуда пририщуше, вся протча части похватиша и^х текоша в пустыню.

Сия вся видѣша, посланнии дивишася и с боязнию велиею во градъ возврати//шася, повѣдаша вся, яже видѣша. Царь же и вси людие слышавше сие, удивишася, рекуше: «Воистинну праведенъ Богъ, како безвинныя оправди, а виновную скоро казни». И прославиша Бога и пречистую Богородицу, творящаго дивная чудеса. И оттолѣ нача царствовати благополучно с царицею и с чады своими, благодаряще Бога и пречистую Богородицу, ея же молитвами и нас сподоби Царствию Небесному.

РНБ, НСРК, О.100, л. 26—53 об.

ПОВЕСТЬ О ДМИТРИИ БАСАРГЕ

л. 62 **Повѣсть о Димитрии купецѣ и о сынѣ его, како младый дѣтищь прехитри нечестиваго царя и смерти преда**

Бысть убо нѣкто купецъ в Русѣй земли, родомъ киевлянинъ, именемъ Димитрий. Плавающу ему по морямъ, торгующу. И нѣкогда же прилучися ему отплыти от града Кіева, и бысть с нимъ рабомъ немало. И взя с собою и единого чада сына своего именемъ Иоанна седми лѣтъ суши, возрастомъ же немалъ.

л. 62 об Плавающу же ему по морю, внезапно воста буря велия // и вѣтръ многъ. И носаше корабль по морю на волнахъ тридесять дней. И абие узрѣша издали градъ великъ, и возрадовашася радостію великою зѣло. И направиша корабль ко граду тому, и присташа ту. И узрѣша у пристанища моря того триста и трицеть кораблей стояща, и удивишася. И рече купецъ Димитрий к протчим корабленикомъ, что суть корабли сии^а многочислени стояще, яко земля богата есть, и купцы в ней торгують.

л. 63 И сниде купецъ Димитрий с корабля и вниде // во градъ. И абие срѣтоша его граждане и рѣша ему: «Откуда ты еси, купче, и коея страны, и какое вѣры еси?». Отвѣща купецъ Димитрий: «Азъ есть земли Русския, вѣрую во святую Троицу — Отца и Сына и Святаго Духа». И рѣша ему граждане: «Брате купче, единой есмы вѣры с нами русския. Точию за наше согрѣшение послалъ Богъ царя законопреступнаго, еллинския вѣры. И той насъ всяческими томлении томит, веля намъ л. 63 об. приняти свою вѣру, а приходящимъ купцамъ торговать в его // земли приказывать имъ три загадки отгадать. И аще не могутъ отгадать, то велитъ имъ принять свою вѣру, а неповинующихъ в темницу воврещи. И ты, купче, видѣлъ еси в пристанищи моря триста^б кораблей. Здѣ купцы приехали также со всѣхъ сторонъ свѣта торговать^в и приняли ту же горькую участь, что царь повелѣлъ ихъ в темницы посадить и не велѣлъ имъ ни хлѣба, ни воды давать, дабы от глада умерли».

л. 64 Купецъ же, сия слышавъ от гражданъ тѣхъ, // вельми опечалися, но однако упование возложи на Бога и того помощника призывая, и абие иде ко царю в полаты с дары своими, и ста предъ нимъ, и поклонися. Царь же вопроси купца, откуда прииде и коея вѣры. Димитрий же безбоязненно христианина себѣ рече и Руския земли купца. Тогда рече царь: «Вѣдомо ти буди, купче, в здѣшнѣмъ царствии обычай таковъ, чтобы приеждающему гостю первие подобаеетъ отгадати л. 64 об. три предложенныя мною загадки. И аще не отгадаеши // загадокъ моихъ и к

^х Переделано из у.

^а Написано над строкой. ^б В ркп. повторено дважды. ^в Написано на поле.

вѣрѣ моей не приступиши, вѣдый буди, яко главу твою имамъ отсѣщи, а товаръ твой велю в казну взяти».

Слышавъ же купецъ Димитрий сицевыя глаголы от царя, ставъ на долгъ часть ^гяко изумленъ^д, не смѣя что отвѣщати. Потомъ мало в себѣ пришедъ, рече к царю: «Готовъ есмь загадки твои отгадывать, точию даждь, царю, сроку на три дни, и в четвертый азъ самъ прииду и отгадаю твои загадки». Тогда царь даде ему срокъ просимый, и купецъ Димитрий отиде на корабль, // плача и рыдая ^л горько, чая по триехъ днехъ умрети от царя.

И узрѣ сына своего Иоанна играюща дѣтски: яздящу на малѣ древицѣ вмѣсто коня и плеткою биюща, и больма на плачь преложиша. Сынъ же его абие преста от обычныхъ своия игры, и скоро притече ко отцу своему и рече ему: «Что ти есть, отче, зло приключися во градѣ сем, яко вижу тя плачуща зѣло и рыдающа?» Отецъ же его скоро отвѣща: «Чадо мое полоненое, се ты играеши по-дѣтски, а бѣды нашей не вѣдаеши. // Се нынѣ мы вси имамы по триехъ днехъ погиб- ^л нути».

Тогда младый дѣтищъ, яко от Бога наставляемъ, начать с прилѣжаниемъ отца своего вопрошати о прилучившейся напасти во градѣ. Отецъ же рече ему: «О чадо мое милое, лучше ми есть с тобою в пучинѣ морстей поглощеннымъ быти, нежели внити во градъ сей». И возвѣсти все подробну о царевѣ повелѣнии и како чрезъ три дни^е обѣщался разгадати его загодки^к и прочия.

Сынъ же его, слышавъ от отца своего сия, // и рече: «Не плачи и не сѣтуй, от- ^л че, зла ради сего, но возверзи печаль сию на Господа. Аще бы Господь восхотѣлъ погубити нынѣ, то в мори бы погубилъ, но искушение на ны посылаетъ Господь и с милостию, ибо никогда же оставляетъ боящихся его. По триехъ бо днехъ идемъ к царю и что есть вопросы, да глаголетъ к намъ, и Господь дасть намъ разумъ и мудрость, еже не токмо дати отвѣтъ, но и больши сего. Надѣю бо ся на Господа нашего Иуса Христа и на пречистую его Матерь и на русскихъ чюдотворцевъ, яко вся мудрования ихъ до конца погибнуть». // Сия же слова^з слы- ^л шавъ отецъ от сына своего, вельми удивися и возрадовася, яко тако умудрять Господь боящихся его и уповающихъ на безчисленное человеколюбие его.

По триехъ же днехъ приидоша к царю в палату отецъ, ведый сына своего не яко на смерть, но яко на пирь нѣкий и гозбу богатую. И бѣ царь сѣдѣше на престолѣ высоцѣ в порфирѣ и вѣнцѣ, и окрестъ его собращася от всего царствия князи и бояре и военачальницы. И яко царя сѣдѣша узрѣ младый дѣтищъ, и яко сотвори ему покло//нение по обычаю, и абие возгласи дѣтищъ Иоаннъ и рече ца- ^л рю: «Вѣдомо ти буди, о царю, ты бо призва насъ, да отгадаемъ твоя гадания, азъ же хочу скончати твое повѣление нынѣ же, но зане предъ множествомъ народа намъ не мощно есть тако сотворити, ибо азъ малъ есмь и стою весьма низко, ты же великъ сый тѣломъ и сѣдѣ на высоцѣ престолѣ. Но обаче, царю, аще хоцещи послушати моего совѣту, благая совѣтующу ти, ибо вопросы и отвѣты творити ^л надобно имѣти великую тайну, // якоже писано: „Тайну цареву добро есть таи- ^л ти“ и прочее, то подобаетъ намъ бѣсѣды творити близъ и во одинаковой одеж- ды. Первые, царю, подобаетъ тебѣ объявити твоя вопросы, сѣдѣшу на престолѣ, и мнѣ быти близъ тебя. А егда объявиши гадания, тогда мене облецы во свою порфиру и вѣнецъ и даждь и престолъ, и ошую мене стани, и азъ ти повѣмъ отвѣтъ и гадания».

И яко слыша царь таковая хитрыя и мудрыя глаголы младаго дѣтища и абие уловленъ бысть силою словес // его, и яко обезумѣвъ царь и нача тако творити. ^л Первые призва отрока близъ себѣ и нача глаголати свои гадания. 1-е гадание — колико расстояния от востока до запада; 2-е — сколько воды в мори убыдетъ^н или прибьетъ^н; 3-е — кто друг и кто недругъ. Сие царь сказа и абие сниде с

^г ^д Написано на поле. ^е Вписано над строкой. ^ж Так в ркп. ^з Написано на поле. ^и Так в ркп.

^н Так в ркп.

престола и снемъ порфиру и венець, и облече дѣтища того, посади на престолѣ своемъ, вдаде ему скипѣтръ и мечъ свой.

Премудрый же отрокъ яко всѣде на висоцѣ царстѣмъ престолѣ и прия скипетръ // и мечъ царьскій, и абие возопи гласомъ велнимъ и рече: «Слышите вси князи и бояре и простии людие, кто у васъ нынѣ царь?». Предстоящій же народъ яко единѣми усты рекоша: «У насъ нынѣ той царь, иже на престолѣ сѣдитъ!». Тогда отрокъ отверзъ уста своя и рече: «Слыши, царю, и внимай, ꙗже азъ есмь царь, то^л царю не подобаетъ творити отвѣты подданнымъ, ибо первыя два гадания могутъ разрѣшити и простии даже. Извѣтно всѣмъ^м, что от востока и до запада солнце переходитъ точию во едины сутки. // Также и в мори вода убываетъ и прибываетъ поровну. И о томъ испытывати, царю, дѣло не^н наше, но Божие. Но что 3-е гадание твое — то азъ вскорѣ имамъ разрѣшити, чему и народъ весь желаетъ: другъ и недругъ есть иже суть цари, которыя хотятъ другъ другу одолѣти, якоже и мы с тобою». И абие отрокъ Иоаннъ вскорѣ вскочи с престола и мечемъ отсѣче главу^о еллиньскаго царя.

Се же видѣвше предстоящій народъ, удивившася и возрадовашася радостію неизглаголенною, и прославиша Бога: // бѣше бо вси християне. А иже бяху невѣрнии и первии совѣтницы бѣша у ельнинскаго царя, хотѣша сопротивитися християномъ, но благоразумный отрокъ повелѣ ихъ всѣхъ имати и в темницы во-врещи.

А иже християне и купцы посаждени из^н в темницъ освободити повелѣ^р. Оттолѣ весь народъ, желая присягнути к отроку тому^ч и царемъ именовати^т, но онъ повелѣ избрати из среды християнъ благоразумнаго царя. И тако сотворше, а отрока довольнѣ наградиша дары мноцѣнными^у и отца его, также и всѣхъ гостей, бывшихъ в темницахъ, // с честию отпустиша и корабли с имѣниемъ ихъ возвратиша. И тако при избрании новаго царя и при такомъ торжествѣ, паче же за учиненое отрокомъ внезапное избавление вси возвеселишася радостію неизглаголанною, хвалу Богу воздавающе и благодаряще отрока за таковое его премудрое распоряжение. И тако новый царь не возможе того благоразумнаго отрока у себѣ оставити ни в какомъ чину великомъ. И отпусти с честию во свою землю. Тако же и прочіи возвратишася благополучно.

РНБ, НСРК, О.100, л. 62—70

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕВНЕ ПЕРСИКЕ

л 303 **Чюдо пресвятыя Богородицы зѣло дивно, еже содѣяся на царевнѣ Персикѣ**

В Болгарскомъ царствіи бысть царь именованъ Михайль, владѣя над многими странами, и бѣ царь той зѣло славенъ и всѣми добротами украшенъ, точию к совершению едино не достояше, еже не имѣти законную сопружницу. Сего ради ближнии его министры начаша совѣтовати, да по обычаю християнскому приобщитъся браку. Царь же не отречеса совѣта ихъ. И абие повелѣ имѣ, да со всякимъ тѣщаниемъ обрящутъ ему девицу равну в добродѣтелехъ и в красотѣ лица и благолѣпотну. Министры же, сия слышавше от царя своего, радостни быша и начаша // с великимъ тѣщаниемъ повелѣнное творити, и искаша по всему царству девицу достойну царьскому браку.

И в нѣкоемъ градѣ обрѣтоша у князя нѣкоего дщерь его именовану Александру предивныя красоты. Яко узрѣша ю, зѣло удивившася и вскорѣ персоню лица ея преписаша и к царю послаша. Царь же, егда узрѣ персоню, зѣло почюдися кра-

^к ^л Написано на поле. ^м Написано над строкой. ^н В ркп. описка: на. ^о В ркп. описка: глагу.
^п Дописано над строкой. ^р Написано на поле. ^{с-т} Написано на поле. ^у Так в ркп.

сотъ ея и вскорѣ повелѣ привести ю к себѣ со всякою честию. Потомъ же и бракъ сотвориша с веселиемъ и радостию неизглаголанною. По нѣкоемъ же времени роди царица дщерь, и нарекоша имя ей Персика. Царь радостенъ бысть и сотвори пиръ велий. По семь, егда царица нача приходити в возраст, мати же ея нача сама поучати дщерь свою грамотѣ и всякой премудрости. Девица же остроумна сущи, // вскорѣ изучися всей премудрости. А наипаче же мати ея поучаше во умѣ своемъ имѣти, аки неборимую стѣну, пречистую владычицу нашу Богородицу. И в немногихъ лѣтахъ бысть девица мудра зѣло, яко в мѣру пришедши философ.

Бывши же ей 13 лѣтъ, мати же ея царица Александра в болѣзнь впаде зѣло тяжку, яко и к смерти приближившия, призва к себѣ единородную дщерь свою Персику, юже храняше яко зѣницу ока, поистинѣ бо яко зѣница красна, ей подобну ни во всемъ крузѣ земномъ не обрѣсти. Пришедши же ей, нача мати ея Александра поучати со многими слезами добронравию, и кротости, и чистотѣ, паче же заступницу нашу владычицу госпожу Богородицу в помощь призывать.

Призва же и мужа своего царя Михаила и изрече // ему достойная чистотѣ супружской жизни, прирече же, да дщерь свою блюдетъ со всякимъ должнымъ попечениемъ. Видѣвъ же царь царицу Персику плачущую, рече к ней: «Всеблагий Богъ не имать тя оставити, тако же и азъ елико могу, еже имѣла возлюбленная мати твоя о воспитании твоёмъ, потшуся соблюсти тя». Сия рекши, отиде со многими слезами.

Царица же, оставши (так!) со дщерню своею, на смертномъ одрѣ нача молитися ко образу пресвятыя Богородицы со многими слезами о дщери своей Персикѣ: «Поручаю, рече, тебѣ, о владычице, осиротѣвшимъ мати, свою дщерь сию, да соблюдеши ю отъ всѣхъ злыхъ». И со словомъ вда дщери своей образъ пресвятыя Богородицы, прирече: «Сию имѣй помощницу себѣ». И абие умре премудрая царица Александра, оставльши всѣмъ // плачь неутѣшимый.

По смерти же царицы Александры царь Михаилъ вельми печаловашеся. Видѣвше же министры царя своего печалию одержима о смерти супруги своея, начаша совѣтовати ему, да второму браку приобщится. Царь же, аще и не хотя, повинуся молению ихъ и повелѣ взыскати подобну первой супруги в красотѣ и в добродѣтеляхъ. Министры же скоро взыскавшѣ нѣкую княжню зѣло прекрасну, именовъ Люцию, но в добродѣтеляхъ не такову, но горду зѣло, и царю о ней возвѣстиша и персоню преписавше. И царь вскорѣ привести ея повелѣ в царство свое со мною честию и браку сочетася.

Бывши же на брацѣ томъ и царица Персика. Егда же узрѣ ю мачеха ея Люция, абие подивися красотѣ ея и от того часа нача ю ненавидѣти // и, завистию объята бысть, умысли тайно погубити ю, ибо зря ю краснѣйши себѣ, но до времени скрываше лестию, аки бы любляше ея, но збости (!) ю хотяше. Царица же, аки незлобивая агница, повиновашеся ей во всемъ, а наипаче^а присною матеръ свою, пречистую Богородицу, непрестанно призывая в помощь свою.

Царь же Михаилъ, егда отиде на брань с королемъ Пфлагонскимъ Киромъ и прочими подданными противу сопостатъ, ратующихъ^б ему, тогда вручи дщерь свою Персику царицѣ своей Люции, да со всякимъ тщаниемъ блюдетъ ю. По отшествии же его на брань абие безстудная ехидна, иже и ложе мужа своего осквернивши, обрѣте бо нѣкоего от рабъ и живяше с нимъ блудно, и на незлобивую^в агницу нача помышляти, еже бы явно ядъ свой излити. // И написа к царю Михаилу лживыя грамоты на царицу Персику, яко бы ей живуши неподобно. Царь же прочте писания, удивися, но обаче отписа, да вразумляетъ ю.

^а В ркп. сначала было написано агница с выносным г, затем переделано в а наипаче, при этом выносное г сохранилось. ^б В слове буква т переделана из д. ^в В ркп. описка — назлобивую, а испр. на е карандашом.

Проклятая же Люция, приемши писания, паче на ню разжегся и хотяше совершенно погубити. И совѣщася со своимъ любодѣмъ отвѣсти в пустая мѣста и руцѣ ея отсѣчи. Того ради с лестию к царевнѣ прииде и созва ю, аки от долговременнаго затвора прогулятися внѣ царьскихъ чертоговъ. По многомъ же ласкании незлобивая царевна согласившися, и, яко изыде внѣ своихъ полать, абие наложникъ лукавья Люции восхити царевну Персику и нача гнати напрасно.

Царевна же, озрѣвшись и видѣ себѣ в пустая мѣста везому едину, и нача плакаться горько и призывати на помощь пречистую Богородицу, // яко да не временно погибнетъ. Слуга же привезе ю в пустое мѣсто к границамъ царства того и отрѣза ей обѣ руцѣ по локти и остави ю ту на земли аки мертву, а руцѣ взем с собою на уверение.

Царевна же послѣ такового мучения бысть аки изумлена, нача бѣгати по лѣсу и лице свое, красотою сияюще, о дрѣвеса одравше. Таже изнемогши, паде на землю и бысть яко мертва, точию устнами пречистую Богородицу на помощь призывая. Мачеха же ея, проклятая Люция, отписа, яко дщи его безвѣсти подѣся (так!).

В то время, егда краль Кирь бяше на брани с царемъ Михаиломъ, сынъ же его Евгений, прибывъ из римскихъ училищъ, зѣло премудростию одаренъ бысть, паче же красотою вельми сияше. Сего ради народи царства // Пепфлагонскаго срѣтоша его со многою честью и мати зѣло любляше его.

Во единъ же от дний кралевич испроси от матери своя Гликерии дозволение изыти на ловъ со слугами. И егда точию изыдоша, и абие Божиим изволениемъ отлучися кралевич от слугъ своихъ со единѣмъ дворецкимъ слугою и со псы. И блудиша по пустыни 3 дни и 3 нощи, в четвертый же день уллучиша пси на лежащую царевну Персику близъ смерти сушу, в той бо день привезена бысть на мѣсто оно и отятие рукъ пострада. И начаша пси лаяти прилѣжно, яко на нѣкий ловъ. И абие посла Евгений дворецкаго своего, мян звѣря суца.

Дворецкий же скоро шедъ и обрѣте лежащую царевну Персику и кровию обagrившуюся, ужасеся, мянше мечтание бѣсовско, // и, пришедъ ко кралевичю, рече: «Чюдо видѣхъ, господине мой, днесъ: девица лежитъ без рукъ красоты неизреченной и близъ смерти естъ». И абие кралевич самъ поиде на мѣсто оно, узрѣвъ ю прекрасну сушу и в златомъ одѣянии. Аще и кровию истохися, но обаче красота ея не увяде. И помысли ю не от простыхъ быти.

Слуги же оставшии, пришедше во градъ, возвѣстиша, яко заблудилъ естъ кралевичъ в пустыни. Сия слышавъ, мати его нача рыдати о немъ. Кралевичъ же со дворецкимъ обою коню совокупльши и одежди своя снемше и положиша царевну межу обою коню. И мало пошедше, скоро путь обрѣтоша и познаша, яко во градъ вѣдетъ. И повелѣ кралевичъ дворецкому вскорѣ во градъ возвѣстити, самъ же остася с царевною и обрѣтъ // чистую воду и прохлады ю. И абие Персика возведъ очи свои на Евгения. Егда же кралевич узрѣ ю, абие уязвися на ню сердечною любовию и часто взирая на красоту лица ея, удивляшеся и размышляше в себѣ, како прииде сия в такое пустынное мѣсто.

Дворецкий же возвѣсти во градъ о всемъ прключшемся, како заблудиша в пустыни и како наидоша девицу без рукъ красоты неизреченной. Кралева же слышавши, радости многия исполнися и вскорѣ посла драгоцѣнныя карѣты, и постели, и рабы многи. И яко приидоша ко кралевичю, и абие самъ подемъ царевну и положи на драгоцѣнный одрѣ, и язвы на рукахъ обяза чистыми платы, и сѣде при ней. Егда же приидоша ко граду, кралева же и людие вси радостни быша // о пришествии кралевича. Егда же возрѣ кралева на Персику, позна ю от великихъ родителей быти и увѣде от сына своего, како и гдѣ обрѣте ю. Таже призвани быша искуснии врачеве и уврачевавше ю, и бысть здрава и весела.

По исцѣлении же начаша ю краевичь и кралева вопрошати, коего рода еси и како прииде на мѣсто то и како руцѣ ея отяты бысть. Персика же рече: «Лютыя мя болѣзни постигоша, и отступи от мене память, и не вемъ, коего рода и како пострадахъ». Они же паче вопрошаху ю, но ничто же успѣша, точию имя свое сказа: «Елисаветъ».

Кралева же возлюби ю яко истую дщерь свою красоты ради пречюдныя и премудрости. Тако же и краевичь зѣло ю любляше и желаше ю имѣти себѣ женою, ибо краевичь // егда начинаше что от учения глаголати или толковати ей, л. 309 еже в Римѣ изучи, она же яснѣйше разумѣваше и премудрѣ глаголаше.

Возвратившу же ся кралю Киру от брани и прииде во свое королевство, и срѣтенъ бысть всѣми от сановникъ и до простыхъ, и, яко узрѣ отецъ сына своего Евгения, радости многи исполнися. И яко приидоша в палату и сѣдоша, тогда Евгений повѣда отцу своему, како учися в Римѣ и како заблудися, егда еха со слугами на ловъ, и обрѣте девицу прекрасну без рукъ.

Сия слыша Кирь от сына своего, восхотѣ абие видѣти ю. И яко вниде в палату краль Кирь с сыномъ своим, царевна же Персика срѣте его и проздрави премудрыми словесы, и яко дивитися кралю о премудрыхъ ея словесѣхъ, паче же, зря на ея красоту, // зѣло удивися и возлюби ю, яко дщерь свою. И вопрошаше ю, како руцѣ отяты быша. Она же и тому также отвѣща, яко же и прежде. И бѣ любима всѣми красоты ради и премудрости. Краль же Кирь и кралева Гликерия, зряще сына своего Евгения, зѣло радовахуся о красотѣ и премудрости его. л. 309 об.

Евгений же многое желание имѣ, еже бы како пояти себѣ в жену прекрасную Персику, и не смѣяше рещи. Отецъ же и мати его начаша глаголати, да поиметь себѣ жену — яковаго-либо князя дщерь. Онъ же всѣхъ презирая, но едину Персику желая и сего ради в болѣзнъ впаде. Отецъ же и мати, егда ощутиша его в болѣзни суша, призвавше искусныхъ врачей, да исцѣлятъ его. Они же смотрѣвше, ничтоже обрѣтоша на телеси, // но точию сердечныя печали. И абие л. 310 начаша вопрошати его, что имать и кия печали суть. Евгение же рече: «Аще хочете мя видѣти здрава, то сочетайте мя с прекрасною Елисаветию или узрите мя скоро мертва».

Отецъ же и мати совѣщастася сами с собою, и глаголаста: «Лучше есть по воли его сотворити, зане зѣло премудра и прекрасна есть, и рода велика есть. Аще и рукъ не имать, но любви достойна суть». И абие шедше, рекоста ему: «Буди готовъ, сыне любезный, к браку пояти любимую нами Елисаветъ». Онъ же слышавъ се, абие скоро воста от болѣзни своея.

И сотвориша бракъ свѣтель Евгению, сыну своему. И возрадовашася зѣло. И на томъ брацѣ и веселии быша вси людие градстии малии и велицыи, богати и убозии. // По веселии же томъ начаша жити со всякою любовию и благо- л. 310 об. честиемъ.

И потомъ царевна Персика зачатъ во утробѣ. И егда приходяше время родити, тогда прииде повелѣние от царя Михаила Болгарскаго, да вси подданныи короли и князи приведуть сыновъ своихъ. Сие повелѣние прииде и в Пафлагонское королевство кралю Киру, да сына своего Евгения приведетъ на испытание. Сие повелѣние почетъ, абие начаша творити шествие к царю. Со многою жалостию Евгений разлучися с возлюбленною супругою. Егда же приидоша к царю, и царь едва яко узрѣ Евгения толь красна суша, паче же премудрости его зѣло удивися. Сего ради зѣло возлюби и с собою посади Евгения обѣдати в полатѣ своей. И рече царь ко кралю Киру: «Аще бы азъ имѣлъ дщерь, то дал бы за Евгения, и царствовал // бы со мною». Тогда отецъ его глагола к царю: «Державный царю, есть у него уже законная супруга». И царь рече к Киру: «К тому уже нѣ нарицай его своимъ сыномъ, но мнѣ отнынѣ будетъ сынъ и наслѣдникъ нашему царствию». И возвѣсти при всѣхъ короляхъ и министрахъ, яко Евгений л. 311

отнынѣ наслѣдникъ Болгарскаго царствія. И абие начаша вси проздравляти Евгения царевичемъ, и тако вси подданныи возвеселишася о новомъ наслѣдницѣ.

В то время прииде ко Евгению вѣстникъ, сказуя о разрѣшеніи и рождении сопругою его двухъ сыновъ, и возвѣстиша о семъ царю. Царь же наипаче радостень бысть и сего ради сугубо веселишася. Царица же Люция, видѣвши Евгения, распалився зѣло на нь похотию, и желаше его видѣти наединѣ и привлеци к себѣ на смѣшение. //

л. 311 об. Евгений же отписа к матери своей, да со всякимъ рачениемъ хранить жену и чада его. Также и краль Киръ отписа. И запечатаста перснемъ своимъ и владѣ вѣстнику, да несеть в Пфлогонию. Сия увѣда, лукавая лиса царица Люция, первие, призва тай наединѣ Евгения, нача льстити его, призывая к смѣшению блудному, яко же древле египтянина. Евгений же рече ей: «Не подобаетъ намъ сие творити, яко мати ми еси, к тому же азъ имамъ жену краснѣйши тебѣ». Люция же, се слышавши, помысли Персику быти его жену. И дияволомъ пострекаема, упоивши зѣло Евгения сладкими напитками, дондеже восхотѣ спати и ляже, усну крѣпко. Лукавая же та ехидна Люция, тихо сня перстень с руки Евгениевы и абие призвавши вѣстника // Евгениева с писмами, и также упоивши. И вземъ письма и преписа другія, дабы по получении оныхъ Персику смерти предати. И запечата перснемъ, и вложи вѣстнику, а перстень вложи Евгению. Евгений же и вѣстникъ отидоша от Люциин, ничтоже вѣдуше. А Люция, сие сотворши, веселешася, яко по воли своей содѣла, еже вконецъ погубити царевну Персику.

И яко же вниде вѣстникъ в градъ и в полату кралеву в Пафлагоніи, первие, проздрави кралеву и Персику с чады ея и вда има письма. И яко прочтоша, в томъ часѣ быша яко изумлени и начаша плакати и рыдати неутѣшно, нарицаю крала Кира и Евгения безчеловечныхъ и немилостивныхъ, также и вси людие порицаху ихъ. Персика же рече ко свекрови своей: «Любезная мати, твори повелѣнное в//скорѣ». Кралева же рече: «Лучше ми есть сама саму (так!) смерти предати, нежели тебя, любезнѣйшую дочерь и с чады твоими убиену слышити».

Слышано же се бысть по всему граду, и вси также горько рыдающе и крала и Евгения укоряху, яко неправедно судъ произнесоша на невинную агньцу. Дворецкий же онъ, иже первие обрѣтъ Персику, приступи ко кралевѣ, рече: «Всемиловитая госпоже, не возложи рукъ на^г неповинную сию и беззлюбивая чада ея, но лучше да отвезу ея с чады в пустыню ту, идѣже и обрѣтохомъ: еда како минеть гнѣвъ на ню». Кралева же с болѣзнию рече: «Твори, яко же хошеши, и отвези, аможе вѣси». Онъ же всади в худую карету и взя мало хлѣба ^ди воды^д, и привезъ в пустыню ту, и остави тамо и с чады ея. Самъ же с плачемъ возвратися во град // и обрѣтши всѣхъ не токмо в королевскихъ палатахъ, но в простыхъ домѣхъ горько рыдающихъ о разлучении столь прекрасною и премудрою и чадъ ея.

л. 313 об. Она же, егда ощути себѣ едину паки в пустыни, нача горько плакати и неутѣшно рыдати, призывая в помощь пречистую владычицу Богородицу, еже бы не погибнути напрасно и не снѣдену быти от лютыхъ звѣрей. Тако же и о чадѣхъ своихъ помолися многъ часъ. И абие сведеса в сонъ тонокъ и ляже на земли.

Скорая же в заступлениихъ пречистая Богородица абие предста ей свѣтлымъ лицемъ, держа отсѣченнии руцѣ ея и рече ей: «Дерзай, возлюбленная дщи моя, не бойся! Что скорбиши на мя или мниши, яко оставихъ тя? Но азъ с тобою есмь всегда, и се имаши руцѣ твои». И абие со словомъ приложи руцѣ ко отсѣченнымъ удомъ, // и быша здравы, яко ни оста в нихъ ни слѣду болѣзни. И рече ей: «Дщи моя! Не унывай! Скоро имаши от печали всеконечнѣ свободитися». И се рекши, невидима бысть.

^г В ркп. описка не. ^д Дотисано на поле.

Персика же, возбунвши от сна, зрить себѣ руцѣ имущи и, аки бы николи же быти без рукъ, удивляшеся, мня мечтанию быти нѣкако, но обаче нача прекрещати лице свое, и узрѣ истину быти, и благодаривши пречистую Богородицу со слезами многими. И воставши, нача своима руками кормити своя отроча сосцами. И потомъ иде собирати зелие пустынное и тѣмъ питашеся. Чада же своя сосцами своима питаше. И тако живя, благодаря Бога и пречистую Богородицу, терпяше пустынное пребывание.

Царь же Михаилъ по многомъ веселии отпусти краля Кира и Евгения в Пафлагонию, повелѣ, да вскорѣ возвратится с // женою и с чады. Лукавая же Люция не тако мысляше, да вскорѣ смерть Персики слышати хотяше. л. 314

Приехавши же в Пафлагонию краль и Евгений и, яко внидоша во градъ, узрѣша вся люди черная носящихъ и никоей же чести имъ не воздающе. И чюдяшеся, рекоша: «Что есть новое сие?». И яко внидоша во дворецъ свой и узрѣша всѣхъ плачущихъ. Вшедше же в палаты и узрѣша кралеву близъ смерти лежащу. Вопросиша же: «Что есть сие?». Тогда показаша имъ листы, писанныя от нихъ, и, яко прочтоша, быша яко изумлени на многъ часъ. И киждо, вземъ мечъ, хотяше себѣ пробости. И аще бы не удержани были от предстоящихъ, то смерть бы была неизбѣжна.

Тогда разумѣ дворецкий оный, яко в той винѣ не они причастницы, но нѣкая злоба от других, // тогда приступи ко Евгению и рече ему: «Всемилоствѣйший владыко, не печалуй о семь. Аще и повелѣно бысть госпожою нашу, а вашу любезную супругу, и с чады вашими смерти предати, но азъ соблюдохъ ю живу, но точию отвезохъ ю тамо, идѣже обрѣтохомъ». Сия же слышавъ, Евгений абие повелѣ конѣи готовити и вборзѣ гнати в пустыню, глаголеше бо: «Аще и мертву обрещу возлюбленную мою супругу тамо, и азъ умру скорою смертиюю». л. 314 об.

Бѣжащимъ же имъ, абие пси улочиша на Персику и начаша лаяти зѣло, и вскорѣ посла Евгений дворецкаго, аще рече: «Улучиша пси на мертвую возлюбленнуюю». И прииде оный дворецкий скоро к мѣсту тому, и узрѣ Персику, сѣдящу со отрочаты своими, здраву и руцѣ имущи, и почюдися, // таже прииде близъ и проздрави ю. И абие скоро прибѣже ко Евгению и рече: «Всемилоствѣйший владыко, поистиннѣ днесъ чюдо паче перваго видѣхъ, обрѣтохомъ возлюбленную супругу вашу и с чады живу и здраву, еще же и руцѣ имущи, ибо видѣ, своима руками дающи сосца свои обоимъ младенцемъ». л. 315

Евгений же, сия слышавъ, зѣло возрадовася и вскорѣ побѣже к тому мѣсту и видѣ ю здраву и руцѣ имущи, и красотою сияющею, и веселящуюся. Яко егда узрѣ ю, и бысть яко изумленъ от неизглаголанная радости. И припадъ к ногама ея, прощения прося, еже тако ю опечали. Она же, воста, подевши Евгения руками своими, рече ему: «Вѣмъ, яко не ты сие сотворилъ еси, возлюбленный мой господине, но зависти ради ближнихъ моихъ, но азъ паче // прославлюся, тии же вскорѣ погибнутъ. Воставъ, господине мой, и сяди со мною, да ти повѣмъ о себѣ. Азъ бо есмь дщи болгарскаго царя Михаила* именемъ Персика, и по зависти мачехи моя Люция оболгана, таже привезена на сие мѣсто и рукъ лишена бысть. А руцѣ сии, ихъ же нынѣ видиши, се дарова ми пречистая владычица моя Богородица. Да воставши, грядемъ во градъ, возлюбленный мой господине». л. 315 об.

Абие же воставши, изыдоша из лѣса, приидоша на нѣкое мѣсто прекрасно и стаща. Дворецкаго же посла во градъ, да приведетъ драгоцѣнныя кони и златоконныя корѣты и повѣдаетъ о семь. Дворецкий же, пришед во градъ, вся возвѣсти подробну. И радости вся наполнишася, и, поемши кони и корѣты, и вскорѣ приидоша ко Евгению со многими слугами на мѣсто. // Евгений же поимъ Персику и с чады своими и приидоша ко граду в радости величѣй. И яко узрѣша

^с паче повторено в начале следующего листа. * Дописано на поле.

из града, вси граждане изыдоша в стрѣтение имъ, и бысть радость велия о пришествии Персики и чадь ея.

Краль же Киръ и кралева со многою радостію прияша ея и сотвориша велие торжество, и праздноваша вси малии и велиции много дний. Потомъ же начаша исполняти повелѣние царя Михаила краль Киръ, Евгений же и супруга его царевна Персика и с чады своими со многими служащими, кони и колесницами. Егда же приидоша в царство Болгарское, и царь Михайль повелѣ сотворити триумфальный входъ нареченному сыну своему Евгению и женѣ его, и срѣтоша множество сановникъ и простыхъ. И егда же приидоша в царски палаты, и срѣте ихъ самъ царь со // множествомъ вельможъ и князей.

Царь же Михайль уже старъ бѣ, и егда узрѣ Персику, зѣло почюдися красотѣ ея и рече: «Воистинну азъ никогда же таковую красоту видѣхъ». Персика же, проздрави отца своего премудрыми словесы и рече ему: «Знаеши ли мя, царю, кто есмь азъ?». Отвѣща царь и рече: «Нѣ вѣмъ, кто еси ты». Она же рече: «Азъ есмь едиnorodная дщи твоя Персика, завистию же мачехи моея Люции изгнана и тебѣ лжею оклеветана аки блудницѣ и без вѣсти погибшей, повелѣ бо слугѣ своему завѣсти в пусто мѣсто и тамо руцѣ мои отяти по локти. И в такомъ страшномъ мучении дондеже наиде мене сий кралевицъ Евгений и уврачева мя и вземъ женою. А потомъ паки преписахъ грамоты она же, дабы мене лишили // жизни, но сий дворецкий отвезе мя в ту же пустыню. И азъ тамо с горкими слезами молихся пречистѣй Богородицы, дондеже уснухъ. И абие явися мнѣ владычица наша Богородица и принесе мнѣ отъяти руцѣ и приложи к составомъ, и исцѣлеста». И показа ему знаменія. «Ты же, отче, повели слугѣ тому, иже мя рукъ лиши, имя рекъ, да принесетъ тыя мои руцѣ, ихъ же онъ отрѣза».

Царь же, сия вся слышавъ, абие повелѣ привести слугу того. Приведенъ же бысть, нача отрицатися такового дѣла. Тогда царь повелѣ его мучити немилостивно, дондеже исповѣда всю истинну. Принужденъ же и руцѣ ея принести, иже зѣло изсохли, и вси почюдишася чюду тому. Потомъ же призвана бысть и скверная царица Люция. Пришедши же ей в палату, // рече к ней Персика: «Возлюбленная мати моя, знаеши ли мя, кто есмь азъ?». Она же рече и аки не зная ю: «Нѣ вѣмъ, развѣ по Евгению дщи мнѣ сотворилася еси нынѣ». Рече же Персика: «Поистиннѣ дщи твоя есмь Персика, юже ты, завистию змииною поощряема, повѣлѣла слугѣ твоему отвести в пустыя мѣста и рукъ лишити, но Богъ милостивый и пречистая владычица Богородица милостию своею спасе мя от твоея зависти и злобы и паки вознесе мя на первое блаженство».

Слышавши же се, проклятая Люция измѣнися лицом и бысть яко мертва. Тогда царь Михайль зѣло возярился и повелѣ Люцию и со слугою ея любодѣемъ привязати ко ошибу конскому и по стогнамъ града влачити ихъ на показание другим. И тако лукавая и скверная царица Люция // смертию безобразною (так!) погиге, еюже хотѣла инѣхъ безвинно погубити.

По казни оныхъ преступниковъ царь Михайль сотвори пиръ радостенъ не точию о прибытти нареченнаго сына Евгения, но и приобрѣтении и избавлении от завистливой царицы дщери своея Персики. И о семъ Богу и пречистѣй Богородицы велие благодарение воздаде со всѣми вельможами и простымъ народомъ, яко сохранивъ ю и паки приведе во свое отечество.

И на томъ пиру объяви царь Михайль при всѣхъ, что онъ при старости своей нѣ можетъ болѣе управляти Болгарскимъ царствомъ и сего ради вѣнча на царство свое в той же день нереченнаго сына своего Евгения и возлюбленную дщерь свою Персику царскимъ вѣнцемъ и тако утвердив писаниемъ, предаде царство и скипетръ. //

Сего ради бысть радость велия всѣмъ гражданамъ о новомъ царѣ и прекрасной царицѣ с новорожденными младенцы и наслѣдники царскими. Славяше иже в Троицѣ Бога и пречистую Богородицу, избавльшую тако прекрасную

царевну Персику молитвами пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, нынѣ
и присно¹ и во вѣки вѣком. Аминь.

*«Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой, л. 303—318 об.**

ЖИТИЕ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА

**Месяца августа в 3 день. Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Анто-
ния Римлянина новгородскаго чудотворца и о пришествии его из Рима
в Велик Новъ градъ** л. 272

Сей преподобный и богоносный отецъ наш Антоний родися во градѣ Римѣ от западныхъ страны Итталійския земли, от латинскаго языка, от християну родителю и навиче вѣры християнска, иже держаста родителю его в тайнѣ, крыющесе в домѣхъ своихъ, понеже Римъ отпаде вѣры християнска и приложися в латыни, конечнѣ же отпаде от Фармосы в богомерскую ересь.

Отець же его и мати преподобнаго^а в добрѣ исповѣданнии отидоша к Богу. Антоний же навиче грамотѣ и изучися писания греческая. // И прилѣжно начатъ чести святыя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, преданнаго от святыхъ отецъ 7 соборовъ и вожделѣ восприяти иноческый образъ. И помолися Богу и раздая все имѣние родителей своихъ нищимъ. Прочее же от имѣний своихъ вложи в сосудъ и закова желѣзомъ, и утверди, и предасть морю. Самъ же поиде в дальныя пустыни възискати мнихи, живущия и труждающияся Богу, крыющесе от еретиковъ в пещерахъ и в разсѣлинахъ каменныхъ. л. 272 об.

И Божиимъ промысломъ вскорѣ избрѣте мнихи, в пустыни живуще. Единъ же от нихъ имѣя презвитерскый чинъ. Преподобный же Антоний много молися имъ^б со слезами, дабы его присочетали к своему благоизбранному стаду. Они же много его вопрошаху с прещением // о християнствѣ и о ереси^в римстѣй, боящесе искушения от еретикъ, онъ же имъ християнина себѣ исповѣда. Они же ему рещоша: «Чадо Антоние, юнѣ еси и не можеши терпѣти постническаго жития и трудовъ чернечскихъ», понеже бывшу ему в то время 18 лѣтъ. И ина многа ему прещаху. Онъ же неослабно кланяяся и моляся о восприятии мнишескаго образа и едва получи желание свое. И постригоша его во иноческый образъ. Пребысть же преподобный с ними в пустыни той 20 лѣтъ, труждаяся, постяся и моляся Богу день и ношь. л. 273

Бысть же оттуду вдалье яко 30 поприщъ в пустыни вознаградена от тамо живущихъ мнихъ церковь во имя благолѣпнаго Преображения Господа нашего Исуса Христа. И бѣ обычай всѣмъ мнихом от пустыни сходящесе к Велицей // суботѣ, презвитери же и дияконы литоргасавъ божественную службу и причастишася божественныхъ таинъ, весь же день и ношь поюше и молящесе, во утрии же на самый день свѣтлаго Христова Воскресения на святую Пасху пѣвъ заутреннюю и святую божественную литоргию, такоже причастився святыхъ таинъ и отхождаху каждо во своя пустыни. л. 273 об.

Ненавидяй же добра дияволь воздвиже гонение конечное на християны, посылаше града того князей и повелѣвающа имати по пустынямъ мнихи и предаяти на мучение. Преподобнымъ же отцемъ богоизбраннаго стада Христова от страха того разшедшимся по пустынямъ и не увѣдѣша другъ друга.

¹⁻³ В ркп. повторено дважды.

* Рукописная копия списка хранится в ИРЛИ (см. Усть-Цилемское новое собр., № 368, III, тетради 1—3). В 2003 г. рукопись была сканирована, электронная копия хранится в НБ СыктГУ, ее распечатка — в составе Усть-Цилемского собрания рукописей НБ СыктГУ, шифр: УЦ р. 46.

^а Написано на поле. ^б Написано на поле. ^в В ркп. описка реси.

Начать же преподобный Антоний жити при мори не в проходныхъ мѣстѣхъ
 л. 274 на камени, егоже // обрѣтъ ко упокоению своему, и на немъ день и ночь безпре-
 стани стоя и моляся Богу, и никако же покрова имый, токмо пищу вкушая от не-
 дели до недели, иже принес с собою. И пребысть ту на мѣстѣ и камени годъ и
 6 мѣсяць. И толико тружаяся к Богу и моляся в постѣ и во бдѣнни и в молитвахъ,
 елико и ангелом подобенъ бысть. Но понеже убо тайну цареву подобаетъ храни-
 ти, дѣла же Божия проповѣдати наипаче похвально есть.

В лѣто 6614 мѣсяца сентября в 5 день на память святаго пророка Захарии бы-
 ша вѣтри велицы зѣло, и море восколебася, яко николи же тако бысть, и вол-
 намъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъже преподобный Антоний пре-
 бываше, стоя и безпрестанныя молитвы Богу возсылая. И абие едина волна на-
 л. 274 об. пряжеся и поять камень, на немъже преподобный // стоя. И изнесе его на каме-
 ни, якоже на легцѣ корабли, никако же ничимъ же не повреди, ни устраши.
 Преподобный же стоя, безпрестани моляся Богу, возлюби бо Бога от всея души,
 и Богъ также дая ему радость и просвѣщение. Имаше же и икону пресвятыя Бо-
 городицы с превѣчнымъ младенцемъ, Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, не¹ на
 дстѣ изображеннымъ, но в сердцѣ своемъ добрыми дѣлесы вписуя выну. И не вѣдя-
 ше, когда ночь и когда день, но свѣтомъ неприкосновеннымъ объять бысть.

Каменю же текшу по водамъ, ни кормильца имущи, ни кормчия, ниже
 скорбь, ни печаль, ни алчба, ни жажда не прииде к преподобному, но пребысть,
 моляся Богу во умѣ своемъ и веселяся душею.

От Римския страны по теплому морю, из него же в рѣку Неву и из Невы в Не-
 во озеро, и из Нева же озера вверхъ // по рѣцѣ Волховѣ противъ быстинъ (!) неиз-
 реченныхъ даже до мѣста, идѣже приста камень, на немъже преподобный стояше
 и молящеся при брѣзѣ велицѣй рѣцѣ нарицаемѣй Волхове на мѣстѣ семъ в третию
 стражу ноши, в сельцо, еже именуемо Волховско. И во время заутренняго пѣния
 начаша во градѣ звонити к заутреннему пѣнию, и услыша преподобный звонъ
 великъ, во градѣ стояше, в страсъ мнозѣ и в недоумѣнни, чаяше, яко к Риму при-
 несену быти на камени.

Ноши же мимо шедши и дневному свѣту уже наставшу, и солнцу возсиявшу,
 стекошася к преподобному люди, еже ту живушии, и зряше на преподобнаго,
 дивящеся, приидоша к нему и начаша вопрошати его о имени и о отчествѣ, и от
 коея страны прииде. Преподобному же нимало русску языку умѣюшу и ничто //
 л. 275 об. онъ сказати не умѣяше, но токмо поклонение творяше. Самъ же с камени не
 смѣяше поступити. И пребысть ту 3 дни и три нощи, на камени стоя и моляся Бо-
 гу на многъ (!) о увѣдении града и о людехъ, дабы ему послалъ Богъ такова че-
 ловѣка, иже бы ему повѣдалъ.

И сниде преподобный с камени и поиде во градъ, и обрѣте человѣка грече-
 ския земли, гозбу дѣющи, купца чиномъ, и умѣюшу гречески и римски и руски
 языкомъ. Узрѣ же преподобнаго, вопросы его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же
 повѣда ему свое имя и християнина себѣ нарече и грѣшна инока и недостойна
 ангельскаго образа. Купецъ же падъ к ногама святаго, прошаше благословения
 от него. Преподобный же благословение дарова ему и о Христѣ цѣлование.
 л. 276 И вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ, и о вѣрѣ, // и свя-
 тыхъ Божиихъ церквахъ. Готфинъ же повѣда вся порядку преподобному, глаго-
 ля: «Градъ сей — великий Новъ градъ. Людие же в немъ православную хрести-
 янскую вѣру имуще, а соборная церковь — святая София премудрость Божия.
 Святитель же во градѣ семъ епископъ Никита, градомъ же владѣюще симъ благо-
 честивому и великому князю Мстиславу Владимировичю Мономаху². Преподобный же,
 слыша от греченина сию повѣсть, зѣло возрадовася душею и все-
 сильному Богу велие благодарение возсылаше во умѣ своемъ. Вопросивъ же пре-

¹ Написано над строкой. ² В ркп. Мономаху.

подобный греченина, глаголя: «Повѣдай, друже, и еще, колико расстояния от града Рима до града сего и в колико время людие путь сей ходять?». Онъ же ему повѣда и рече: «Дальная страна есть, и нужень путь по морю и по суху, егда переходять, гозбу дѣюще: // в полгодишное время едва достизаютъ, аще кому Богъ л. 276 об. поспѣшитъ». Преподобному же размышляюще и дивящуся в себѣ о величии Божии, колико в два дни и в двѣ нощи толико долготу путь проиде, едва удержася от слезъ в то время и поклонися ему до земли, миръ и прощение ему даровавъ.

И вниде во градъ и помолися святѣй^с Софии Премудрости Божии и великаго святителя Никиту видѣти желая, и видѣвъ церковное благолѣпие и чинъ святительский, вельми возрадовался душою, и помолися, и обхождаше всюду, и паки отиде на камень по обычаю, и нача молитися, стоя на камени своемъ день и ношь, дабы ему Богъ открылъ руский языкъ. И видѣ Господь Богъ подвижи и труды преподобнаго, и начаша приходити к нему иже близъ живущии людие граждане же милостыни ради // и благословения. И Божиимъ промысломъ пре- л. 277 подобный вскорѣ изучися и начатъ разумѣти и глаголати рускимъ языкомъ. Людем же вопрошающимъ его о отечествѣ и от коея страны прииде. Преподобный же ничтоже не повѣдая о себѣ, токмо грѣшна именуя.

По малѣ же времени слышавъ о преподобнѣмъ Антонии и святитель Никита, и посла по него. Онъ же первие во страсть бывъ, таже и радостию одержим, иде к святителю в велицѣ смирении. Святитель же введе в кѣлию свою и сотвори молитву. Преподобный же рече: «Аминь». И прием от святителя благословение со страхом и любовию, якоже от Божия руки. Святитель же, провидя о преподобнѣмъ Духом Святым и начатъ вопрошати его о отечествѣ и о пришествии его в Великий Новъ градъ, откуда и како прииде. Преподобный же не хотя повѣдати тайны своя святителю Никитѣ // славы ради человѣческой, но токмо грѣшна л. 277 об. себѣ исповѣда. Святитель же Никита с великимъ прещениемъ еще же и закланьемъ вопрошая преподобнаго, рече: «Миѣ ли, брате, не повѣдаеши тайны своя? Не веси ли, яко Богъ имать открыти нашему смирению, яже о тебѣ. Ты же преслушания судъ приимеши от Бога». Преподобный же падъ пред святителем на лица своемъ, плакася горко и моля святителя, да не повѣсть никому же, дондеже преподобный в жизни сей.

И повѣда о себѣ тайну наединѣ святителю Никитѣ вся порядку о отечествѣ своемъ и о воспитании, и о приходе своемъ из Рима в Великий Новъ градъ. Святитель же сия слышавъ от преподобнаго и не мняше его человѣка суца, но яко ангела Божия. И воставъ святитель от мѣста своего и на многъ часть ста и моляся Богу, и дивяся бывшему, // яко же прославляетъ Богъ рабъ своих. По мо- л. 278 литвѣ же рече преподобный: «Аминь». Святитель же Никита падъ пред преподобнымъ на землю, прося благословения и молитвы от него. Преподобный же падъ пред святителем и моляся, и прося благословения, себе же недостойна и грѣшна именуя. И оба лежаста на земли, плакастася, мочаста землю слезами на многъ часть, другъ от друга благословения просяща и молитвы.

Святитель же Никита рече к преподобному: «Ты велика дара сподобленъ еси и древнимъ отцемъ упокоился еси, тако и нынѣ посѣти, Господь, град нашъ твоимъ пришествиемъ». Преподобный же рече ко святителю: «Ты еси иерей Бога вышнаго и помазанникъ Божий. Тебѣ бо довлѣетъ о насъ молитися». Святитель же, воставъ от земли и не можаше утѣшиться от слез, воздвизаетъ преподобнаго от земля, давъ ему благословение, и о Христѣ цѣловастеся. // И много бѣсѣдова* л. 278 об. с преподобнымъ, и никакоже можаше насытитися сладкихъ и медоточныхъ словесъ от преподобнаго. И хотя прославити чудо, но не хотяше моления преподобнаго не презрѣти. Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно у него и пребывалъ бы с нимъ до исхода душа своя.

^с Далее в ркп. в круглых скобках трі. * В ркп. бѣсѣдовасть, буквы сте обведены рамкой.

Преподобный же никакоже восхотѣ сего сотворити и отвѣщавъ рече: «Господа ради, святче Божий, не нуди мене, довлѣетъ бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже Богъ повелѣ». Святитель же Никита давъ благословение и отпусти с миромъ преподобнаго на то избранное мѣсто.

Не по мнозѣ же времени поехавъ Никита епископъ к преподобному Антонию и видѣти камень сей и мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на //
 .1 279 столпѣ и никакоже схождаше, моляшеся Богу день и ночь. И яко же узрѣ святителя, к себѣ грядуща, и абие сшедъ с камени в срѣтение святителю и приемъ благословение и молитву от него. И дивляшеся святитель о чудеси, и обхождаше мѣсто сего того сюду и сюду. И рече ко преподобному святитель Никита: «Изволилъ Богъ и пречистая Богородица избрати мѣсто сие, да воздвигнеши храмъ Рождеству пресвятыя Богородицы и обитель устроиши на собрание мнихомъ». Преподобный же рече: «Воля Господня да будетъ». Святитель же хотя поставити ему хижицу близъ камени, но преподобный же никако же восхотѣ, но терпѣше скорбь Господа ради.

Святитель же Никита истинно хотя увѣдѣти о житии преподобнаго и вопрошаше селянъ тѣхъ, они же вси единогласно повѣдаша, яко воистину сей челоуѣкъ Божий естъ, принесенъ по водамъ // на камени, и прочее по ряду. Святитель же наипаче возгорѣся духовною любовию ко преподобному и дасть³ благословение и отиде во своя.

О построении монастыря Рождества Богородицы "и чудо о бочкѣ"

Святитель же Никита испросивъ у посадниковъ новгороднскихъ в селѣ томъ землю на построение монастыря и отгмѣриша, елико довольно быти на вмѣщение церкви и монастыря. И абие епископъ повелѣ возградити церковь древянну малу и едину келийцу малу и освяти церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы.

В то же время *по лѣтѣ единѣмъ* рыболовцы ловъ дѣюще близъ камени преподобнаго Антония и всю ночь тружьшеся и изнемогоша, и ничтоже успѣша, яко и мрежу извлекоша на землю, в скорби велицей быша. Преподобный же скончавъ молитву, иде к ловцемъ и глагола имъ: «Чада моя, // ничтоже имамъ вдати вамъ наемъ, точию гривну сребра — слитокъ единъ — се вдаю вамъ, да послушаеае худость мою: вверзите мрежа ваша в великую рѣку Волховъ, и аще что имѣте, то да будетъ в домъ пречистыя Богородицы». Они же не хотяще сего сотворити и отрицающеся, глаголюще: «Объ ночь всю труждьшеся, ничтоже яхомъ, точию изнемогохомъ». Преподобный же моляше ихъ, дабы послушали его. Они же едва умолени быша, ввергоша мрежу по повелѣнню преподобнаго и извлекоша на брегъ множество много рыбъ от великихъ молитвами преподобнаго. И едва не проторжеся мрежа, яко николи же тако бѣ. Еще же извлекоша сосудъ древянъ, сирѣчь бочку, окованъ обручьми желѣзными. Преподобный же,
 .1 280 об. благословляя ловцовъ, глаголя: «Чадца моя, видите милость Божию, // како Богъ промышляеть о рабѣхъ своихъ. Азъ же благословляю и вдаю рыбу вамъ. Сосудъ же сий, сирѣчь бочку, возьму себѣ, понеже Богъ вручи мнѣ на создание монастыря».

Ненавидяй же добра дияволъ, хотя пакость сотворити преподобному, порази завистию ловцовъ онѣхъ. И начаша рыбу давати преподобному, рекуще: «Мы наяхомся тебѣ рыбу ловити, а бочька наша, и намъ достoitъ». Преподобный же рече к нимъ: «Азъ о сем не имамъ прѣтися с вами, но идемъ к судиямъ градскимъ, и тии ны судятъ праведно». Ловцомъ же угодно бысть слово препо-

³ В ркп. описка дить, буква д переделана из о. * * * Притисано на поле как пропуск. * * * Притисано на поле как пропуск.

добнаго, и абие идоша во градъ. И начаша состязатися ловцы с преподобнымъ. Преподобный же рече: «Об ночь всю труждьшеса и ничтоже яша, // азъ же мно- л. 281
го молихъ я, еще же вда и гривну — слитокъ сребра, они же едва умолени бывше. И ввергоша мрежие, и извлекоша многое множество рыбъ, еще же и бочку. Азъ же отступаюсь рыбы и вдаю имъ, а бочьку хошу взяти, ибо на се и вда ми Господь, да созижду монастырь пречистыя Богородицы. Они же рыбу дающе мнѣ, а бочьку емлюще себѣ».

Судии же вопрошиша ловцовъ, рекоша: «Тако ли есть, яко же рече старецъ сей?». Они же рекоша: «Мы наяхомся рыбы ловити, а бочька наша, сего ради и вдаемъ рыбу ему, а сосудъ мы сами ввергохомъ на сохранение в воду сию, сего ради старцу нѣсть части во оной». Преподобный же рече: «Господие мои, воспросите ловцовъ, аще ихъ есть бочька, да скажутъ, что в ней вложили». // Лов- л. 281 об
цы же недоумѣющеса, что реши. Тогда преподобный рече: «Бочька сия есть нашей худости и дана морстѣй волнѣ в Римѣ от нашихъ грѣшныхъ рукъ. Вложенное же в бочку сию — сосуди церковнии златыя и сребренныя, и хрустальнии потиры, и блюда и прочии вещи церковныя, злато же и сребро от имѣний родителей моихъ; вверженное же сокровище сие тоя ради вины, дабы от еретикъ не осквернилось; и написано на сосудѣхъ тѣхъ слова римскимъ языкомъ». Судия же повелѣша бочьку разбити, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. И даша преподобному бочьку, и отпустиша с миромъ, и к тому ничтоже смѣяша реши ему. Ловцы же отидоша посрамлени.

Преподобный же Антоний иде к святителю Никитѣ, радуися и благодаря Бога о обрѣ//тении бочки. И повѣда вся по ряду. И вкупѣ хвалу Богу воздаша. л. 282
И разсудивше межю собою, и рече святитель Никита: «Преподобне отче, на се бо тя Господь по водамъ из Рима на камени принесе и бочьку по волнамъ доправади к тебѣ, да воздвигнеши церковь каменну и монастырь велий воздвигнеши пречистыя Богородицы».

Преподобный же Антоний полагает сокровище свое во епископии на соблюдение себѣ и вземъ благословение у святителя, и начать строити обитель. И купи землю у посадниковъ новгородскихъ и с живущими на тое земли людми и до конца вѣку, и рыбную ловитву, и грамотою утверди. И начать преподобный труждатися день и ночь и без сна пребывати, и безпрестани без сна пребывати, на камени стоя день и ночь.

Видѣвъ же князь Мистислав // и протчии вельможи града того и вси людие л. 282 об
велию добродѣтель преподобнаго Антония, вельми возлюбилша и начаша имѣти велию вѣру к нему, а о пришествии его никтоже не вѣдыше, токмо святитель Никита. И оттолѣ начаша собиратися братья ко преподобному. Онъ же с любовию принимаше ихъ.

Потомъ же начать святитель Никита совѣтъ творити со преподобным о строении церкви каменныя. Преподобный же розочте обрѣтеное сокровище на строение монастыря и храму и рече к святителю: «Надѣюся на Бога и на пречистую его мать пресвятую Богородицу и на твои святыя молитвы, точию даждь намъ благословение свое». Святитель же Никита размотрѣвъ (!) мѣсто и молитву сотвори, и начать самъ копати подошву под церковь. И заложилша каменну церковь и совершилша Божию благодатию, и украсилша, // якоже лѣпо, с образы л. 283
и сууды церковными, злытыми и сребренными, и ризами, и книгами в славу Божию и пречистыя Богородицы. Потомъ же обложиша и трапезу каменну во имя Срѣтения Господня, и кѣлия возградити и обитель устроить повелѣ. Преподобный же вся сия исполни, ни от кого же что взятъ: ни от вельможъ, ни от епископъ, но точию благословением святителя. И от Риму принесенное имѣние быти ему довольно на поставление церкви и обители и на пропитание братии, и сиротам, и вдовицамъ.

По сем нача преподобный труждатися с братиею в постѣ и в молитвахъ. Не по мнозѣхъ же днехъ святитель Никита начат изнемогати. И призва преподобнаго и повѣда ему свое отшествие к Богу. И много наказавъ, отиде ко Господу.

л. 283 об. Преподобный же во мнозѣ печали и слѣзахъ // о преставлении святителя Никиты.

И тако Божиею благодатию начать обитель умножатися и распространятися. Преподобный же начать совѣтъ творити с братиею о избрании кого-либо игуменомъ. Многу же избранию бывшу и не обрѣтоша. И начаша молити преподобнаго Антония, да приметъ¹¹ священничество и да будетъ имъ игумен. Преподобный много отрицашеся, потомъ же рече: «Воля Божия да будетъ». И абие^м идоша братия ко архиепископу Нифонту и повѣдаютъ ему о вещи. Святитель же Нифонтъ зѣло возрадоса, бѣ бо зѣло любя преподобнаго за многую его добродѣтель. И поставляетъ его по обычаю во игумены. И поживе преподобный во игуменьствѣ 16 лѣтъ в добрѣ исповѣдании, упасъ стадо Христово.

О преставлении преподобнаго Антония //

л. 284 И тако увѣдѣвъ преподобный свое от мира отшествие к Богу, и призвавъ священноинока Андрея, и нарече его себе отца духовнаго, и повѣда свое отшествие со слезами, и начать повѣдати, како прииде из Рима на камени и о сосудѣ вся по ряду. И повелѣ по преставлении своемъ написати и предати церкви чтущимъ и послушающимъ на пользу души. Таже повелѣ призвати вся братия и рече имъ: «Братия моя и спостницы, молю убо вас: се нынѣ отхожду от жизни сея ко Господу Богу моему, да молитесь за мя Господа Иуса Христа, да имуть милостивии ангели душу мою, да избѣгну сѣтей вражиихъ и от воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами, понеже грѣшенъ есмь. Вы же избѣрите себѣ на игуменьство вмѣсто мене // отца и учителя и пребудите у него в послушании в постѣ, в молитвахъ и в трудѣхъ, в любви между собою». И ина многа поучивъ от Святыхъ Писаний.

л. 284 об.

Братия же видѣвше преподобнаго в послѣднѣмъ издыхании, быша в велицѣмъ умилении и слезахъ многихъ и рекоша: «Учителю, се нынѣ зримъ тя в послѣднѣмъ издыхании. К кому прибѣгнемъ и от кого насладимся медоточныхъ словесъ и учения, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящещи милость Божию пред Богомъ по отшествии своемъ, моли о насъ неослабно и избери намъ от братии игумена, якоже годѣ твоей святыни». Преподобный же избираетъ на игуменство того же прежде реченнаго инока Андрея. // И паки рече преподобный: «Терпите, братия моя, на мѣстѣ семь всяку скорбь и тѣсноту. Аще кий любо властелинъ начнетъ силою отнимати землю или рыбныя ловли, таковой да будетъ проклять. И аще паки начнетъ обидѣти, таковаго самъ Господь судить и пречистая Богородица».

л. 285

И тако давъ прощение и благословение братии и о Христѣ послѣднѣе цѣлование, ставъ на молитвѣ на многъ часъ и повелѣ священноиноку Андрею накадити себѣ и отходную пѣти. И отиде в вѣчный покой, и погребен бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того со свѣщами и кандилы, псалмы и пѣснями духовными в лѣто 7655 (так!) месяца августа в 3 день. И положенъ бысть в церкви пресвятыя Богородицы //

л. 285 об.

По времени же многомъ предложено бысть тѣло преподобнаго Антония с подобающею честною в славу Божию. И начаша чюдеса бывати от многоцѣлебныхъ мошей его. Его же молитвами и насъ да сподобитъ Христосъ Богъ Царствию Небесному причастники быти и вѣчнаго томления избыти всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

«Торжественникъ» из собрания Е. И. Тороповой, л. 272—285 об.

¹¹ Далее в ркп. в квадратных скобках как описка имъ. ^м с переделано из юса малого.

ВИДЕНИЕ МАКАРИЯ ЕГИПЕТСКОГО

Извѣщение святаго ангела преподобному Макарию
о неизвѣстныхъ тайнахъ Божиихъ

л. 351

Ходящу нѣкогда преподобному отцу Макарию по пустыни, явися ему ангель Господень, создади идя и глаголаше Макарию: «Благослави, отче». Макарий же обращая, рече ему: «Богъ да благославить тя, чадо». Видѣвъ бо его млада суца. Сего ради нарек его чадомъ, а егда видяше во образѣ инока и мняше, яко от пустыни естъ мнихъ. Прешедшимъ же им мало пути, видѣвъ его красна паче мѣры, глагола ему святой: «Зрю тя, чадо, и дивлюся красотѣ твоей, яко чудно видѣние твое и добръ видъ лица твоего. Никогда же бо азъ видѣхъ в челоуцѣхъ таковыя до//броты, яко же нынѣ, и сего ради заклинаю тя Богомъ, да скажеша мнѣ истину, кто еси ты и откуда?». Отвѣща ему ангель Господень и рече: «Азъ есмь ангель Господень, а не челоуцкъ мира сего, посланъ к тебѣ от Бога возвѣстити тайны его, иже от многа времени увѣдѣти желаша ихъ, и что хоцеша, да скажу ти».

Старец же, сия слышавъ, падъ на землю, благодаряше Бога и паки поклонися. И со страхомъ начать вопрошати, глаголя: «Рци ми, святой ангеле, представльшиися во ономъ вѣцѣ другъ с другомъ познаваются ли?». Отвѣща ангель: «Слыши^а, авво, яко же убо в семь мирѣ челоуццы, егда с вечера лягутъ и заутра воставше, срѣтающе другъ друга, познавающеся и поздравляются еще на земли // здѣ сушимъ живымъ, тако и тамо души праведныхъ и грѣшныхъ другъ друга познавають и не точию знаемыхъ и от племени сущихъ, но ихъ же николи же знали и видѣли. И тамо откровениемъ Божиимъ вси познаваются и имены называются, праведныя и грѣшныя».

Паки же вопросы старецъ святой: «Ангеле, скажи ми: по разлучении души от тѣла что бываетъ ей и чесо ради бывають поминовения по умершихъ?». Глагола ему ангель Господень: «Слыши, авво, по разлучении души от тѣла поемлють ю святии ангели и идутъ на небеса поклонитися престолу Бога Вседержителя, а от земли до небесъ естъ лѣствица и на киимждо степени стоить полкъ дѣмоновъ, иже глаголются мытари воздушныя, и ту несомую // душу святыми ангелы усрѣтают ю бѣси, носяще рукописание грѣховъ и истязаются о души со святыми ангелы, глаголюще: „Сия душа того мѣсяца и в тотъ день и в то число в сию ночь сие согрѣшение сотворила: или украдала, или убила кого, или обидѣла или насильство кому сотворила, или что чужее взяла и заперся, или криво судил, или скупъ былъ и сребролюбивъ, или немилостивъ и ненавистникъ былъ, и лихоимецъ, и святокрадецъ былъ, объядникъ и пьяница или блудникъ; когда и с кѣмъ, и гдѣ блудъ сотворилъ или прелюбодѣйство и малакию гдѣ сотворилъ или содомски, или мужъ с женою не по естеству, или мужъ с мужемъ, или со скотомъ и со всякою дыхающею // тварию, еже бываетъ в челоуцѣхъ сия вся и прочая; гдѣ ялъ и пиль или осудилъ кого и досадилъ кому, или с кѣмъ сварился, или зло за зло воздавалъ, или клеветалъ кого, или тщеславился, или лѣнивъ былъ, или непослушавъ, или празнословецъ былъ“. И вся согрѣшения челоуцеская бѣси пишутъ и показываютъ, но и мысли всѣ являютъ».

Святини же ангели, освобождаяще душу, такожде своя писания показываютъ дѣмономъ, добрая дѣла той души, аще что сотворила в миру или в черпечествѣ, гдѣ и когда молился часто и исповѣдался своихъ грѣховъ, истинно покаявся, или колѣнопоклонение колико в день и в ночь сотворилъ, или метание, или слезами проплакалъ, или поскорбѣлъ, // или воздохнулъ, или в кую ночь не спалъ, или на молитвѣ стоялъ, или бдѣлъ, или наготу терпѣлъ, или на голѣй земли без

^а Буква и переделана из а.

постели спаль, или послушание имѣлъ, или молчаливъ былъ, или смиренъ и не-
ропотливъ былъ, или главу свою со смирениемъ преклонялъ всѣмъ, или стран-
ныхъ в домъ свой принималъ и нищимъ милостыню творилъ, нагимъ одежду да-
валъ и наготу ихъ Бога ради покрывалъ, или обидимаго от обиды избавлялъ,
болящихъ посѣщалъ или покаяниемъ душу очищалъ.

И егда душа та имѣетъ добрая дѣла, возмутъ ей ангели Божии и восходятъ с
нею на вышній степенъ, и тамо паки срѣтаютъ ей горшия мытарства, мытари и
л. 354 князи бѣсовстии, скрежещуще // на ню зубы своими. И бываетъ паки велико истязание, нудящесе исторгнути душу от рукъ ангельскихъ. Душа же, страхомъ одержима, трепещетъ, боится и прячется и крыется в рукахъ святыхъ ангель. Святити же ангели такоже не худѣ подвижутся, яко да свободятъ душу от рукъ дѣмонскихъ.

И аще оттуду свободятъ, поемлютъ ю и восходятъ на вышнія степеня, и паки тамо истязание^б бываетъ страшно. И тогда дѣмони оны и ангели Господни крѣпцѣ со всякимъ испытаниемъ подвижутся, кое бы приобретени могли обрѣсти умиленыя оныя души и кому бы осталася — ангеломъ ли или бѣсомъ.

И аще оттуду свободятъ и поемлютъ ю святити ангели еще выше, и тамо паки истязание бываетъ. И прочее глаголю, и до самыхъ // вратъ небесныхъ восхождение по лѣствицѣ степеня суть, на нихъ же бѣсовская мытарства. Выше же всѣхъ мытарствъ блуждение, иже предъ враты небесными. И кто сказати можетъ страхъ оный и смятение то, честный отче, еже творять душамъ нечистии они дѣмони, восходящимъ тамо, и каковый страхъ тогда находить на окаянную ту душу, егда бо вси воскликнуть бѣси, вопиюще со обличениемъ к ней, глаголюще сице: „Стой, пожди, не ходи, что тако дерзаеши ити мимо насъ: нѣси ли соблудилъ и осквернилъ одежду святаго крещения, нѣси ли окалявъ ангельскаго образа иноческаго, в немъ же обѣщался еси Богу в чистотѣ пребывати до кончины жития своего и не сохранивши обѣщание, // и осквернившись, и окалявши блудомъ^в. И тако не покалася есмь, умре. Камо дерзаеши? Стой! Не ходи! Како преидеши и коимъ ухищрениемъ избудеши насъ? Гдѣ нынѣ поидеши, отвѣта о семъ не давь, вѣдѣ бо, яко возвратитися имаши вспять и во тму адскую поити, в вѣчныя муки“.

Егда же обрящется 'окаянная та' душа повинна осуждению, тогда восхищаютъ ю лукавии бѣси от рукъ ангельскихъ и возвращающесе с нею во тму ада преисподняго, в мѣсто мрачно и болѣзненно. Горе тогда оной души и над горями горѣе, и над бѣдами бѣднѣе. Лучше дабы не родился тотъ человекъ. И кто исповѣсть нужу ту, честный отче, или кий языкъ изрещи можетъ болѣзнь онаго мучения! Азь бо и ангель есмь, но трепеть и страхъ мене // зѣло обдержитъ таковаго томления и страстей.

Аще ли обрящется душа чиста и безгрѣшна, проходитъ со мною радостно вся сия мытарства и восходитъ на небеса. И срѣтаютъ ея святити ангели свѣтлии со свѣщами и фимияномъ и цѣлуютъ, и провожаютъ ея до престола Господня, и поклоняются престолу Бога Вседержителя. И тамо зрять лица святыхъ, видятъ доброту, сухую тамо, и возрадуются о ней вси святити купно радостно неизглаголанною. О оной же добротѣ и радости неисповѣдимѣй, честный отче, кто сказати возможетъ!

А еже о поминаниихъ мя вопрошаеши, како и чесо ради бываютъ^г по умершихъ, и о сихъ скажу ти. Третины совершаютъ и мольбу о душахъ приносятъ ко
л. 356 Господу сего ради, // понеже в третій день ангели Божии приводятъ душу на поклонение престолу славы Божия, и потомъ посылается от Бога со ангелы в миръ на оныя мѣста, и показуеъ ей, гдѣ что сотвори злое, таже показываютъ ей, гдѣ что

^б В ркп. написано истезание, над строкой над первым е написан юс малый. ^в В ркп. описка блудомъ. ^г Приписано на поле. ^д Написано на поле.

сотворила добрыя дѣла, живуши здѣ. И поимше душу ангели, идутъ с нею на землю, и показываютъ ей вся мѣста, и воспоминають ей месяць и день, и часъ, во дни и в нощи, идѣже живяше и гдѣ хоужаше, и яже что содѣла злая, глаголющи ей: „Се здѣ украдала еси на сем мѣстѣ, а здѣ оклеветала еси, а на семъ мѣстѣ мужеложество сотворилъ еси, на семъ мѣстѣ блудъ сотворилъ еси с тѣмъ лицѣмъ, а ту малакию содѣлалъ, а тамо чрезъ естество соблудилъ еси, а ту со скотомъ // соблудилъ еси, а здѣ прелюбы дѣялъ еси, ту дѣторастлѣние сотворилъ еси, а тамо убилъ еси кого, а на томъ мѣстѣ сварился с кѣмъ и ротился, и зло за зло воздавалъ еси, здѣ хулу глаголалъ еси, а ту насильство сотворилъ еси, тамо похитилъ еси и чюжее взялъ^с и заперся, здѣ на кривѣ судилъ еси, а тамо продалъ еси выше цѣны“ и прочая вся по ряду. Злая даже до меньшихъ показываютъ — и на кого гнѣвъ имѣлъ, и кого осудилъ или осмѣялъ или лукавствовал, или тщеславенъ былъ и лѣнивъ, и сонливъ былъ, или на доброе дѣло непослушливъ былъ, или возгордѣлся украшениемъ ризнымъ, или величавъ былъ, или немилостивъ и скупъ былъ, или объядался и опивался есмь, или брата нена//видѣлъ еси и вся, яже гдѣ любо что сотворилъ даже до празнословия. г. 356 об.

Яко же грѣхи открывають ангели Божии, такоже и добрая дѣла: се здѣ, на семъ мѣстѣ милостыню сотворилъ еси, а здѣ постился еси, на семъ мѣстѣ нага одѣлъ еси, здѣ же обидимаго избавилъ еси, а на семъ мѣстѣ болящаго посѣтилъ еси, а здѣ болящему послужилъ еси, тамо в темницѣ посѣтилъ еси, а на семъ мѣстѣ чистое покаяние сотворилъ, здѣ молебень пѣлъ еси, а здѣ литургасалъ еси, а здѣ акафистъ пѣлъ еси Богородице, а на семъ мѣстѣ псалтырь глаголалъ еси, здѣ всенощное пѣние и стояние сотворилъ еси и молитвы к Богу возслагалъ еси, здѣ слезы о грѣсѣхъ пролиалъ еси и поскорбѣлъ еси, и наготу претерпѣлъ еси, // здѣ на голой земли без постели посла, а тамо поклоны творилъ еси, здѣ страннаго в домъ свой ввелъ и помиловалъ того, а на иномъ мѣстѣ иного и прочия — и просто рещи, наченше от рождения даже и до скончания* дня жития его, елико аще благая или злая гдѣ что сотвори, вся показываютъ ей. г. 357 об.

В девятый день паки восходитъ душа на небо и идетъ поклонитися престолу Господню, якоже и в третій день, егда творять к Богу поминовения, еже сия глаголются девятины. По второмъ же поклонении ея идутъ паки на землю с ней святии ангели и показываютъ ей рай, самимъ Богомъ насажденъ, дѣлательемъ благимъ, то есть покойная мѣста праведныхъ прохладная пребыванія, и оливныя сады, Авраамовы нѣдра, // обители в селѣхъ святыхъ и жилища вѣчная и прочая вся, яже суть от вѣка угодившихъ Богу, радость и веселие оное вѣчное и неизглаголанное. И в томъ забываетъ всѣхъ скорбныхъ вѣка сего земнаго пребыванія, и молить святыхъ ангель, да оставятъ ея тамо с праведными жити. г. 358

Ангели же поемлют оную душу и идутъ с нею от рая Господня в мѣсто вѣчныхъ мукъ, уготованый дияволу и аггеломъ его и тѣмъ, кто творилъ волю его — то есть грѣшникомъ. И показываютъ ей разныя мучения, глаголюще: „Се есть червь неусыпающий, а се есть глаголемый тартаръ — зима несогрѣмая и мразъ лютой, а се есть огонь вѣчный, а се есть адъ преисподний и пропасть, а се есть тма кромѣшная, а се смола клокушущая, а се — смрадъ зловоненъ“. И прочая вся муки, // яже по достоянию грѣховъ уготованныя грѣшнымъ, показываютъ ей и глаголютъ: „Сия муки тѣмъ, а сия онѣмъ“. А тяжчайшии и горшия муки, честный отче, нѣсть инымъ, якоже иереомъ блудникомъ и прелюбы дѣющимъ, и в тѣхъ грѣсѣхъ служающихъ, паче же священноинокомъ. г. 358 об

А в четыредесятый день, егда здѣ, на земли, молятся о души ко Господу и память о ней творять, еже наричются сорочины, тогда паки приходятъ на поклонение к престолу владыки Христа Бога, и тогда от сѣдящаго на престолѣ Бога

^с Вставлено на поле. * В ркп. описка, возникшая в результате повтора слога в месте переноса слова на другую строку: скончанчания.

Отца и Господа нашего Иисуса Христа приметъ отвѣтъ. В той бо часъ повелить Господь ангеломъ душу ону посадити на мѣсто, идѣже сама уготовала по дѣломъ своимъ. И тамо посаждена бываетъ и упокоена до общаго всѣмъ воскресения, сирѣчь до втораго и страшнаго пришествия Христова. И тогда душа, аще имать добрая дѣла, веселится и радуется и прѣбываетъ, ликуя со иными праведными душами, с ними же тамо благихъ наслаждаяся.

Аще ли душа многия грѣхи имат³, не очистившися покаяниемъ, то сѣдитъ во адѣ преисподнѣмъ под землею в темницахъ адовыхъ с подобными себѣ грѣшными душами до втораго и грознаго пришествия Христова, горько плачуще и рыдающе, и въздыхающе из глубины сердца».

Старець же, сия слышавъ от ангела, въздохнувъ, прослезися и умильно глаголаше: «О, горе человеку тому! Золь есть мѣсяць и день, и часъ, в немже родился!». Глагола ему "и ангель": «О честный отче! Ей, ей золь! И горе ему, аще грѣшник // есть, аще ли праведенъ есть, блажен и треблаженъ человекъ той и другъ Богу, и сынъ и наслѣдникъ царствию его бываетъ».

Таже глагола старецъ ко ангелу: «Молю ти ся, святыи ангеле Господень, скажи ми и сие, есть ли грѣшникомъ отрада и конецъ муки будетъ ли?». Глагола ему ангель: «Никако же, отче, отрады грѣшникомъ нѣсть, нѣсть и конца муки грѣшникомъ никако же и никогда же не будетъ. И праведнымъ наслаждения и радости, и покою конца никогда же не будетъ во вѣки вѣком не имать премѣнения. Аще бы мощно когда и вся земли разсѣяный песокъ или капли дождя или морскихъ водъ песокъ исчести, то и лѣта бы мукъ оныхъ грѣшнымъ и праведнымъ наслаждения и радости и покоя ихъ мощно бы в конец // привести. Но отнюдь не будетъ обоимъ конца муки грѣшникомъ, а праведнымъ веселия и покоя не будетъ же конца».

Паки вопросы преподобный ангела, глаголя: «Молю ти ся, святыи ангеле, скажи ми, котории святии милосерднѣйши суть человекъку, яко егда призываетъ человекъ в бѣдѣ или в молении своемъ еже умолити Бога о немъ?». Глагола ему ангель Господень: «Святии ангели многомилостивну утробу имуть всѣхъ паче к человекъку, понеже человекъ ради спасения свѣтлѣ видятъ человекъколюбца Бога, зряще на нь, но и вси святии благонравни суть и милостиви, и теплѣ молятся Богу о человекъцѣхъ. Но человекъцы неблагодарни суть и неразумни, всегда творятъ гнѣву достойная на всякъ часъ, грѣхи ко грѣхомъ прилагають, иже по умолению ихъ паки возвращаются на суетная дѣла, // не творятъ заповѣдей преблагаго и многомилостиваго Бога. Наипаче же госпожа всемилостивая владычица наша Богородица та бо множее всѣхъ ангѣлъ и всѣхъ святыхъ молить непрестанно Сына своего Христа Бога нашего о спасении человекъчестѣмъ. Глаголю бо ти, честный отче, яже о ней, яко всѣмъ человекомъ должно имѣти во устѣхъ и во умѣ, и в сердцахъ своемъ во вся дни пребывания своего живота незабытнующую память о владычицѣ нашей присноблаженнѣй и непорочнѣй девѣй Марии истиннаго Христа, Бога нашего Матери. Но токмо аще бы иногда человекъкъ восхотѣлъ духомъ, дабы всегда непрестанно к ней имѣлъ и ко святымъ ангеломъ и к прочимъ святымъ угодникомъ Божиимъ незабытнующую память и молился, или любю коими добрыми дѣлами потрудился. Но плоть // есть уныла и немощна, и тяшка на всяко дѣло благое, иногда бываетъ отнюдь непотребна и лѣнива, и прочее. Земень бо есть человекъкъ и к земнымъ суетамъ вѣка сего склоненъ, к тому же и ненавидяй добра дияволъ человекъки поущаетъ на творение неподобныхъ дѣлъ суетнаго сего временнаго и тлѣннаго вѣка и в забытии ума о добродѣянии преходятъ, или бо что хошетъ и приметъ благое от Бога и потомъ неблагодаренъ пребываетъ. Еще же убо тако помрачени быша человекъцы всѣми злыми и прибытками суетными мира сего. И в тѣхъ обогатѣвше и оставше внѣ исправленийъ сердець своихъ пре-

³ Написано над строкой. " " Написано над строкой.

бывающе, она благая приемше, начинаютъ мнѣти, яко от себѣ имуть, а не от Бога. И тако его презрять, и тѣмъ еще паче // гнѣвъ на ся привлекають и прочая по часѣхъ онѣхъ ради неблагодарения. Аще и молятся о чемъ, но не услышани бывають таковии. Аще воспомятся (!), приидуть в чюство и начнутъ паки милость Божию к себѣ призывать молитвами пречистыя его Матери и святыхъ угодниковъ или святыхъ ангель, наипаче же молитвами пречистыя его Матери. И к тому же престанеть человекъ от злобъ своихъ воистину, то якоже есть человекъколюбный Богъ милосердъ, иже не до конца прогнѣвается, ни во вѣки враждуетъ, паки преклоняеть ухо свое к молению ихъ и даруетъ имъ невидимо милость свою, яко самъ единъ вѣсть, чесо просятъ. Пресвятыя же убо Богоматере молитвами, честный отче, весь миръ на земли от искони и до нынѣ содержится. А напаче (!) же // спасаются умолениемъ всѣхъ святыхъ и святыхъ Божиихъ ангель».

Отвѣщав же преподобный, рече: «Вѣмъ, господи мой ангеле, и азъ, яко та вся истинна суть, якоже ми сказалъ еси, но вопрошаю тя, господи мой, еще скажи ми, кий есть грѣхъ тяжчайши пред Богомъ?». Глагола ему ангель: «Всякъ грѣхъ, честный отче, отлучаетъ человекъ от Бога, паче же горши есть злопомнѣние и тщеславие, и гордость — сии бо едины довольны суть низвѣсти человекъ во адову пропасть, сии едины превосходятъ вся грѣхи прочая, яже довольны суть весь миръ погубити. Тщеславия бо ради и гордости бывый ангеломъ начальникъ тмѣ начальникъ бысть и отступникъ Божий и сопротивникъ дияволь. Тщеславия бо ради фарисеи труды добродѣтелей погуби // и вси елицы тщеславие имѣяху, погибоша. Тщеславницы бо и гордии, и злопомнители паче инѣхъ грѣшниковъ мучатся. Обаче же есть еще горшая мука подъ мукою, тамо бо мучатся иереи, иже блудно живущии и служащии и иже во Христовѣ вѣрѣ пребывающе и неправо вѣрующе, и божественныя тайны пренебрегающе. Тамо же идольстии жерцы, иноки и священноиноки и инокини соблудившии мучатся».

Паки глагола преподобный ко ангелу: «Вопрошаю тя, святыи ангеле Господень, и о семь, близко ли вѣку сему конецъ?». Отвѣща ангель Господень: «Не вѣмъ, честный отче, сего бо и святни ангели, и вси святни угодницы Божии не вѣдятъ, но токмо самъ единъ Христось Богъ нашъ вѣсть, времена бо и лѣта во своей области положи. // И день и часъ не вѣмы, не яви бо нам, но токмо сие вѣмы, яко во отпадшее мѣсто, еже спаде ангельский ликъ, нынѣ имѣнованный сатана помраченная злоба, да егда исполнится то мѣсто отпадшихъ святыми и праведными мужи, и будетъ число, якоже и первие бѣ, и тогда близъ будетъ вѣку сему конецъ. Прочии же вѣровавшии Христу и отрешесе его, и заповѣдей его не сохраниша, тии в велико в безчестие и муку впадутъ. Иереи же, иже божественныя законы преступающии и ни во что же вмѣняющии славословие Божие, но за мирскими попеченьми ходяще, тии воздадутъ слово Богу в день судный, яко нынѣ время дѣлания есть, в будущемъ же воздаяние».

Рече же преподобный: «О иереехъ пьяницехъ что будетъ?». Отвѣща ангель: // «Велика тѣхъ ждетъ мука, аще не покаются».

Вопроси же паки его старецъ: «Скажи ми и о семь, святыи ангеле, котории человекъцы пребидать святыи день Воскресения Христова Господа нашего Исуса Христа, еже есть неделя, аще имуть великъ грѣхъ?». Отвѣща ангель: «Горе тѣмъ, яко велика ихъ ждетъ мука, иже бо не брегуть Господнихъ дней Христова Воскресения самого Господа нашего Исуса Христа ни во что вмѣняють, якоже злонаравнии жидове. Пишетъ бо, иже аще кто не празднуетъ от суботнаго вечера даже до понедельника свѣтающаго, проклятъ есть таковой. А иже почитають кто Воскресения Христова день, той самого Господа почитаетъ, такоже и Господския праздники, и пречистыя его Матери пресвятѣй Богородицы и великихъ^н

^н Второе и в слове переделано из о.

л. 364 свѣтильниковъ Божиихъ. Также аще // кто ихъ почититъ фимияномъ и свѣщи или молитвами и всеношнымъ бдѣниемъ в церквахъ, таковой обрящет не токмо в животѣ, но и во время исхода души от тѣла великия помощники себѣ, великаго ради ихъ дерзновения, еже имуть ко Господу, могутъ помощи и умолити Бога о прегрѣшениихъ нашихъ, и избавити насъ от сѣтей диявольскихъ. Ибо тѣхъ ради моления здѣ, на земли суще, аще кто что проситъ, иже на пользу, от всещедраго челоуколюбца Бога приемлетъ. По седмомъ же вѣцѣ челоуцы осуетишася в попечениихъ суетныхъ и изжденуть страхъ Божий от сердець своихъ и любовь ко святымъ угодникомъ его и еже к ближнимъ своимъ, и послѣдуютъ своимъ волямъ. Но да вѣси, честный отче, яко всякъ, иже не четъ дни Воскресения Христова и святыхъ его // избранныхъ, не узритъ Господа».

л. 364 об. Тогда воздохнувъ старецъ и от горести и великия туги и сердечную жалостию^к, рекъ: «Горе намъ, прельщеннымъ суетою вѣка сего!». И паки глагола ему ангель: «Вопрошай, честный отче, еже что хоцещи, часть бо уже есть мнѣ поити на предстояние и славословие Господа моего». Паки старецъ востенавъ и рече: «О горе мнѣ! Се добръ рабъ Господа своего тщится еже воздати славословие Господу, иже безгрѣшенъ сый и не вещественъ, мы же, унылыя и грѣшныя, пренебрегаемъ о нашемъ спасении». Таже рече ко ангелу: «Молю ти ся, святой ангеле, да явиши ми и о семъ, кая иноку молитва приятна Богу?». Глагола ему ангель: «Аще умѣя грамотѣ, то да поетъ псалмы Давидовы, ибо соединяетъ оныя челоука со Христомъ, // а неумѣющий грамотѣ да глаголетъ непрестанно молитву Исусову, еже есть: Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго, ибо многия оставиша писмены и книги, а сию токмо едину молитву держаше, спасошася, ибо сию могутъ держати^л старыя и младыя, мужие и жены. И хотяъ кто спастися сию молитву Исусову да держитъ во устѣхъ своихъ всегда непрестанно на всякомъ мѣстѣ, на всяком (!) время и на всякъ часъ — аще в кѣлии, аще на пути или за ядию, или рукодѣлие дѣлая, или во дни и в нощи, стоя или сѣдя молится. Еще же и от недужнаго Богъ истязуетъ молитвы и довольно есть всѣмъ хотящимъ спастися».

л. 365 об. Паки преподобный рече ко ангелу: «Скажи ми, святой ангеле, и сие, аще челоукъ научитъ и наставитъ инога грѣшнаго челоука спасенымъ // путемъ ходити и изметъ его от грѣхъ, имать ли кую мзду от Бога?». Отвѣща ему ангель: «Писано есть: изводяъ честное от недостойнаго, яко уста моя будутъ; аще кто кого научит и отвратитъ от грѣха и наставитъ его на путь спасения, то и свою душу свободну сотворитъ от всякаго грѣха и великую мзду приметъ от Бога. Аще ли же кто совѣтуя иному, приводя его в дѣло злое, той не токмо онаго погубитъ, но и свою душу предасть сатанѣ. Сей грѣхъ великъ и тяжекъ». Сия рекъ ангель к преподобному: «Спасайся и крѣпись, авво!». И благослови, и возлѣте от него на небо. Старецъ же падъ на землю и поклонися ему, глаголя: «Иди с миромъ, святой ангеле, служитель Господень, предстоятель Троицѣ единосущей, и моли о мнѣ, грѣшномъ, Владыку всѣхъ». И возвратися в свой вертеп. Та же прилучися брат, сказа вся в славу Божию, ему же слава нынѣ и присно.

«Торжественникъ» из собрания Е. И. Тороповой, л. 351—365 об.

^к Далее в ркп. сердца, взятое в квадратные скобки как описка. ^л Написано на поле.